

Журнал «Посев». Некоммерческое Партнёрство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"».

127051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2, оф. 96, тел./факс: (495) 625-92-48

Издаётся с разрешения и при содействии издательства POSSEV GmbH Frankfurt am Main

Главный редактор

Ю.С. Цурганов

Редакционная коллегия:

Г.М. Амнуэль, Ю.К. Амосов, Т.П. Артёмова, Б.Д. Бедросьян, С.В. Волков, А.Б. Горянин, В.Э. Долинин, Е.И. Дрезинский, Г.В. Кокунько, О.А. Кузнецова, С.М. Маркедонов, Б.С. Пушкарёв, А.Р. Редлих, Ю.А. Рыбаков, В.А. Сендеров, В.Б. Славин-Боровский, М.В. Славинский, В.Ж. Цветков, И.Ю. Шауб, А.Н. Шведов.

127051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2, оф. 96

Ю.С. Цурганову

Телефон/факс в Москве: (495) 625-92-48

E-mail: tsurganov@mail.ru; posevru@online.ru

http://www.posev.ru

Адрес филиала редакции за рубежом: Possev, Flurscheideweg 15, D-65936, Frankfurt a. M., Germany Tel. 34-7355; fax 34-3841.

http://www.posev.de E-mail: possev-ffm@t-online.de

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации 29.11.2002 г. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-14072

© Некоммерческое Партнёрство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"».

ISSN 0234-8284

Корректоры *О.В. Петрюх*

Вёрстка *А.С. Казанников*

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. Ответственность за точность приводимых сведений несут авторы. Редакция в переписку с неопубликованными авторами не вступает. Рукописи не возвращаются и не рецензируются. При перепечатке любых материалов ссылка на источник обязательна.

ПОСЕВ

№ 11 (1574) ноябрь 2008 г.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Основан в 1945 г. в эмиграции, с 1992 г. издаётся в Москве

Содержание:

КОЛОНКА РЕДАКТОРА 2

АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ..... 3

СОБЫТИЯ И КОММЕНТАРИИ

Президенту Российской Федерации

Дмитрию Анатольевичу Медведеву..... 4

Белая армия на улицах Москвы 5

ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ

Е. Каргашова, А. Вермишев Россия

поможет Армении с Нагорным Карабахом 6

В. Долинин Свободное

Межпрофессиональное Объединение трудящихся (СМОТ) 7

А. Тейкманис 90-летие Латвийского

государства 11

Е. Князев Столетие университета

Шаняевского 17

МОСТЫ В ПРОШЛОЕ

Е. Бар, Х. Граля Восстание в гетто – как это было? 22

С. Верёвкин Как это было. Комментарии .. 28

В. Цветков Отречение и неприятие..... 32

КНИГИ И ЛЮДИ

Б. Соколов Сладко-кровавая русская утопия 37

В. Сендеров Кто Вы, писатель Сорокин? .. 42

А. Васильев Сенсационная книга о Советской Армии 44

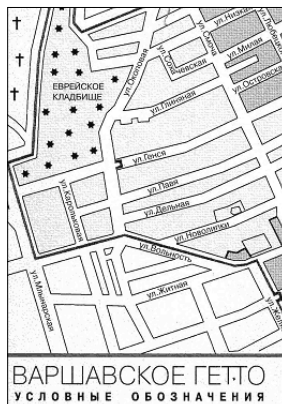
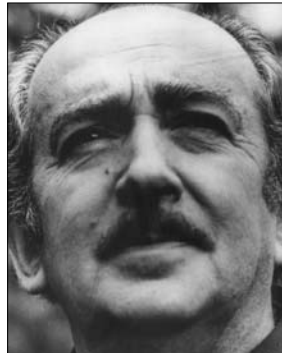
ПИСЬМА И ВСТРЕЧИ

А. Высоцкий «Назад, или вперёд?!» 45

Г. Вербицкий Ответ на «почему» 47

Г. Амнуэль Best regards 48

ИЗ ПЕРЕПИСКИ С РЕДАКЦИЕЙ 48

19 октября нынешнего года исполнилось девяносто лет Александру Галичу.

Актёр, поэт, драматург. Автор около двадцати пьес и сценариев фильмов; наиболее известные «Вас вызывает Таймыр», «За час до рассвета», «Матросская тишина», «Верные друзья», «На семи ветрах», «Государственный преступник». Классик жанра авторской песни.

В августе 1968 года, потрясённый вводом советских войск в Чехословакию, он пишет «Петербургский романс», после чего его вызвали на секретариат Союза писателей и сделали первое серьёзное предупреждение: мол, внимательнее отнеситесь к своему репертуару.

Исключён из Союза писателей и из Литфонда в 1971-м (восстановлен в 1988-м). С 1958 г. член Союза кинематографистов СССР, исключён в 1972 г. (восстановлен в 1988 г.).

В июне 1974 г. покинул СССР. Год жил в Осло, где записал диск «Крик шёпотом». Вступил в НТС, работал на Радио Свобода с 1975 г. в Мюнхене. В конце 1976 г. снял документальный фильм «Беженцы XX века». Хотел написать книгу об НТС. Выступал в Израиле, США, Западной Европе. 3 декабря 1977 г. дал последний концерт в Венеции. Скончался в Париже 15 декабря 1977 года при странных обстоятельствах, похоронен на Сент-Женевьев де Буа.

Е.Р. Романов вспоминал следующую мысль Галича:

«Советская власть стала плохой не с того дня, когда я, или кто-либо другой, начал считать её плохой. Советская власть была плохой с первого дня своего существования. И борьба против неё началась с того же дня. И никогда не прекращалась. Тех, кто боролся, можно во многом обвинять, но в одном, основном, они были всегда правы: против советской власти *надо было* бороться. Поэтому должна существовать преемственность борьбы.

То же и с эмиграцией, – одним из отражений этой борьбы. Русская эмиграция началась не тогда, когда я, или кто-либо другой, стал эмигрантом. Эмиграция началась вместе с советской властью. Эмиграция может делиться по политическим, культурным, земляческим, национальным и другим признакам. В этом может быть смысл. Деление по “эмигрантскому стажу” – бессмысленно». (Статья «Возвращение. Памяти Александра Аркадьевича Галича» // «Посев», 1978, № 2.)

Вечера, посвящённые 90-летию Галича, прошли в Израиле (город Реховот) с участием экс-президента клуба «Под интегралом» Анатолия Бурштейна и Юлия Кима. В Центральном доме литераторов, Центральном доме журналистов и Политехническом в Москве. В других городах. На 23 ноября запланирован вечер в Доме учёных Новосибирского Академгородка, где существует Клуб Александра Галича. В активе Клуба установка памятной доски Александру Аркадьевичу Галичу в Академгородке, на здании бывшего клуба-кафе «Под интегралом», в котором он выступал в марте 1968 года на фестивале песенной поэзии. (Этот фестиваль вызвал небывалый аншлаг. Под него был выделен самый обширный из залов Дворца физиков под названием «Интеграл». И этот зал был забит до отказа, люди стояли даже в проходах.) Сайт Клуба Александра Галича (galichclub.naod.ru) расширен текущей политикой, что делает его не только музеем, но и действующей трибуной.

Член Клуба Александр Рудницкий в своём сообщении из Новосибирского Академгородка пишет: «Творчество Александра Галича было не просто глотком свободы в душной атмосфере застоя, оно без преувеличения определило духовное развитие и мироощущение молодёжи поколения “магнитофона системы ‘Яуза’” в 60-е годы».

И при этом добавляет: «Перестройка с её плюрализмом убрала все искусственные преграды между шедеврами барда и его поклонниками. Но в последние годы на радио и ТВ снова появились запретные списки, и песни Александра Галича снова заняли в них своё почётное место. Об этом рассказала, например, в марте этого года его дочь Алёна Архангельская-Галич на фестивале “40 лет спустя” в Новосибирском Академгородке».

Вальс-баллада про тещу из Иванова

Ох, ему и всыпали по первое...
По дерьму, спелёнутого, волоком!
Праведные суки, брызжа пеною,
Обзывали жуликом и Поллоком!
Раздавались выкрики и выпады,
Ставились искусно многоточия,
А в конце, как водится, оргвыводы:
Мастерская, договор и прочее...

Он припёр вещички в гололедицу
(Все в один упрятал узел драненький)
И свалил их в угол, как поленницу, –
И холсты, и краски, и подрамники.
Томка вмиг слетала за «Кубанскою»,
То да сё, яичко, два творожничка...
Он грамм сто принял, заел колбаскою
И сказал, что полежит немножечко.

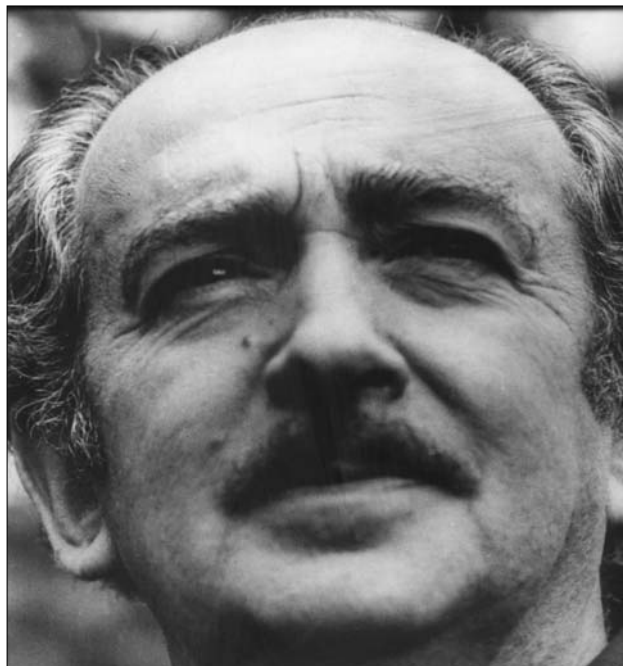
Выгреб тайно из пальтишка рваного
Нембутал, прикопленный заранее...

А на кухне теща из Иванова,
Ксения Павловна, вела дознание.
За окошком ветер мял акацию,
Билось чьё-то сизое исподнее...
– А за что ж его? – Да за абстракцию.
– Это ж надо! А трезвону подняли!

Он откуда родом? – Он из Рыбинска.
– Что рисует? – Всё натуру разную.
– Сам еврей? – А что? – Сиди не рыпайся!
Вон у Лидки – без ноги да с язвою...
Курит много? – В день полпачки «Севера».
– Лидкин, дьявол, курит вроде некрута,
А у них ещё по лавкам семеро...
Хорошо живёте? – Лучше некуда!..

– Лидкин, что ни вечер, то с приятелем,
Заимела, дура, в доме ворога...
Значит, окаянный твой с понятием:
В день полпачки «Севера» – недорого.
Пить-то пьёт? – Как все, под воскресенье.
– Лидкин пьёт, вся рожа окорябана!
...Помолчали, хрустнуло печение,
И, вздохнув, сказала теща Ксения:
– Ладно уж, прокормим окаянного...

*Переделкино,
25 ноября 1966*

Александр Галич: «У меня в работе песенный цикл, который я собираюсь вскоре дописать. Этот цикл (в духе песен о Климе Петровиче Коломийцеве) называется “Горестная жизнь и размышления начальника отдела кадров строительного-монтажного управления номер 22 города Москвы”». (Интервью «Песня, жизнь, борьба» // «Посев», 1974, №8.)

Я, товарищи, скажу помаленьку,
Мы не где-нибудь живём – на Руси.
Кому кепка, а кому – тубетейка,
Кто что хочет – надевай и носи.
Наше дело – это тонкое дело,
Тёмный лес, любезный друг, тёмный лес,
И обязаны мы ночью и днём
Государственный блюсти интерес.

Мы не в рюхи здесь играем, не в карты,
Здесь не баня, говорят, не вокзал.
Что для нас наиважнейшее? Кадры!
Это знаешь, дорогой, кто сказал?
Тут не с удочкой сидишь, рыболовишь,
Должен помнить, как основу основ:
Рабинович – он и есть Рабинович,
А скажи мне, кто таков Иванов?
Вот он пишет в заявлении – русский,
Истый-чистый, хоть становь напоказ,
А родился, извиняюсь, в Бобруйске,
И у бабушки фамилия Кац.
Значит, должен ты учесть эту бабку
(Иванову, натурально, молчок!).
Но положи её в отдельную папку
И поставь на ней особый значок.

Президенту Российской Федерации Дмитрию Анатольевичу Медведеву

Глубокоуважаемый Дмитрий Анатольевич!

Второй раз за последние три с половиной месяца обстоятельства заставили обратиться к Вам. Причина достаточно проста: совершенно чудовищное, граничащее с должностным преступлением, отношение к своему служебному долгу сотрудников Генеральной прокуратуры РФ.

Дело в том, что 24 июня 2008 г. мы (лауреат Нобелевской премии, академик РАН В.Л. Гинзбург, академик РАН Ю.А. Рыжов, руководитель фонда защиты гласности А.К. Симонов, ответственный секретарь Общественного комитета защиты ученых Э.И. Черный) обратились к Вам с просьбой о помощи в восстановлении справедливости по отношению к ряду ученых, осужденных на основании сфабрикованных ФСБ тяжких обвинений (копия нашего обращения прилагается). На протяжении последних лет мы многократно обращались в различные инстанции (ФСБ, ВС РФ, Генеральную прокуратуру, Общественную палату, депутатам Государственной Думы, Президенту РФ), пытаясь остановить колесо произвола, напоминая худшие периоды нашей истории.

Только потому, что речь идет о судьбах ни в чем не повинных людей, мы, даже понимая всю Вашу занятость, позволили себе изложить суть дела на 7 страницах и приложили значительный объем дополнительных материалов (..... страниц). Наше обращение было зарегистрировано в Администрации Президента РФ под № А-26-04-191475.

Спустя некоторое время, мы попытались выяснить судьбу нашего обращения созваниваясь с сотрудниками Администрации Зоей Викторовной Петровой и Надеждой Петровной Михайловой.

В конце концов, нам сообщили, что Вас ознакомили с нашим обращением и по Вашему поручению направили в Генеральную прокуратуру для рассмотрения наших оценок и предложений по существу.

Позитивная часть на этом, к сожалению, заканчивается. Наше письмо, было зарегистрировано, передано г-ну Кехлерову и направлено им г-же Королевой, которая утверждает, что она этого письма вообще не видела...

Только в конце сентября мы получили из Генеральной прокуратуры письмо за подписью начальника отдела Г.Н. Родиной (копию прилагаем). Из этого ответа нам стало совершенно понятно, что наше обращение и приложенные материалы авторы ответа даже не держали в руках.

Считаем необходимым отметить, что сотрудники Генеральной прокуратуры ссылаются в своем ответе на ряд лиц (Ходорковский М.Б., Лебедев П.Л., Бахмина С.П., Талхигов З.Ю., Шайдулин Р.И., Муртазалиева З.Х., Пичугин А.В., Алексанян В.Г.), которые в нашем обращении к Вам даже не

упоминались. Более того, мы делами этих людей никогда не занимались.

Наше обращение к Вам, Дмитрий Анатольевич, содержало много фактов, которые при желании могли быть проверены. Никто и никогда эти доводы не пытался рассмотреть и проверить.

Говоря об осуждении Сулягина и Данилова, г-жа Г.Н. Родина пишет, что «Обвинительные приговоры в отношении Сулягина и Данилова постановлены судом с участием присяжных заседателей. Согласно действующему законодательству вердикт коллегии присяжных заседателей поставлен под сомнение быть не может».

А как же с отмененным оправдательным приговором, вынесенного судом присяжных Данилову в 2003 году? А почему не заинтересовало Генеральную прокуратуру наша ссылка на первый судебный процесс Сулягина, который проходил в Калуге (27.12.2001 г.), Определение которого не оставило от обвинения камня на камне. Это дает нам основание считать, что в Генпрокуратуре наше письмо даже не было прочитано, не говоря уж о приложениях, которые проливают свет на фабрикации уголовных дел с тяжкими обвинениями против ученых Федеральной службой безопасности.

Мы полагаем, что Вы передали наше обращение в Генеральную прокуратуру именно для того, чтобы она внимательно отнеслась к доводам, содержащимся в наших материалах. Это не случилось. Как Вы легко заметите из текста ответа прокуратуры, таких попыток даже не делалось.

Полученный ответ Генпрокуратуры удивительно похож на ответы, полученные нами из Генпрокуратуры ранее. Даже то обстоятельство, что в этом вопросе просил разобраться Президент страны, никакого эффекта не возымело.

До сегодняшнего дня все остается по-старому. В генеральной прокуратуре никаких позитивных изменений. Генеральная прокуратура, скорее всего, не тот орган, который может защитить закон и справедливость. Закон пал. Как мы писали в своем обращении, похоже, что не только пару десятков лет назад, но и сегодня все решает ФСБ.

В приложении к нашему Обращению к Вам есть протокол научного семинара, на котором специалисты по данной проблеме в присутствии зам. начальника следственного управления ФСБ генерала Олешко обсуждали вопрос о степени секретности того, что **собирался** делать Данилов для Китая. Заметим, что других специалистов в стране просто нет. Выслушав специалистов, генерал оставил свои обвинения без изменений, а в качестве экспертов привлек околонучную шпану, которая никогда не рассматриваемым проблемам никакого отношения

не имела. Генеральной прокуратуре это оказалось не интересно.

Уважаемый Дмитрий Анатольевич, если уж мы обратились к Вам, значит кругом тупики. Закон принесен в жертву амбициям чиновников: спецслужб, прокуратур, судов...

Как Вам удастся решать государственные проблемы с такими кадрами – мы понять не в состоянии. Впрочем, это было всегда проблемой России.

Вспоминаются слова командующего Балтийским флотом Российской Империи (год 1909–1910), сказанные им морскому министру С.А. Воеводскому: «Ваше высокопревосходительство, ничего путного из ваших проектов не выйдет, пока, вместо настоящих людей, будет такое г..., как

все ваши чиновники» (цитировано по книге академика А.Н. Крылова «Мои воспоминания», Л. «Судостроение», 1984 г. стр. 175).

И последнее. Должны ли мы считать, что полученный нами ответ Генеральной прокуратуры одобрен Вами?

Приложения:

Наше первое Обращение

Ответ Генпрок

Протокол семинара у Ю. Рыжова

*Желаем Вам успехов. С глубоким уважением,
Гинзбург, Рыжов, Симонов, Черный*

(Соб. инф.)

Белая армия на улицах Москвы

В Мосгордуме поддержали идею назвать две столичных улицы именами Колчака и Капшеля. Но не знают, «как к этому народ отнесется».

Москва. 27 октября. INTERFAX.RU – В московской городской думе поддерживают идею называть улицы именами генералов «белого движения». По мнению главы комиссии Мосгордумы по перспективному развитию и градостроительству Михаила Москвин-Тараханова, называть улицы именами «белых» генералов можно. Но не всех.

С идеей назвать две столичные улицы именами белых генералов: адмирала Александра Колчака и генерала Белой армии Владимира Капшеля – выступил общероссийский церковно-общественный проект «Возвращение». Его координатор Юрий Бондаренко объяснил позицию соратников так: «Колчак и Капшель – это люди, положившие жизнь не за эфемерные идеалы революционеров, а за наше Отечество». К тому же, Колчака они считают законным правопреемником Временного правительства и главой российского государства. Но, посетовал Бондаренко, трудно представить, чтобы сейчас в столице появились улицы, названные в честь них. «Чем они были бы хуже существующих Марксистской улицы или улицы Фридриха Энгельса? – задался он вопросом. – Нам говорят, что гражданская война кончилась, ушло в прошлое разделение общества на “красных” и “белых”. Но почему на карте только “красные”? Не надо “белых” – тогда уберите и “красных». Как оказалось, городские власти готовы ответить на призывы отдельных групп ответственности.

«Я за эту идею всегда, но не знаю, как к этому народ отнесется», – говорит глава комиссии Мосгордумы по перспективному развитию и градостроительству Михаил Масквин-Тараханов, который поддерживает инициативу «Возвращения», но с определенными оговорками. По его мнению, увековечить в названиях улиц можно не всех «белых» генералов, а лишь тех, которые были «настоящими

патриотами и выступали за неделимую Россию». Это, по мнению чиновника, Колчак, Деникин, Врангель и Капшель. «А тех, кто сотрудничал с фашистской Германией, кто был предателем, быть у нас не должно», – подчеркнул он. С другой стороны, переименование улиц в их честь – дело не самой первостепенной важности. «В Москве много улиц с нелепыми названиями, но для начала я бы вернул имена Чехова, Грановского», – говорит он.

Тем не менее, у лидеров «Возвращения» появилась надежда на то, что их инициатива когда-нибудь станет реальностью. Все же и Капель, и Колчак, о которых шла речь, в оценке главы комиссии Мосгордумы по перспективному развитию и градостроительству попали в одобряемый список. Но у проекта еще много всяких идей относительно названий площадей, проспектов, улиц и тупиков. Юрий Бондаренко считает, что в городе «представлены практически все направления всевозможных теорий – от анархиста Бакунина до яркого русофоба Маркса», а «многие деятели отечественной истории, например, Иван III, никоим образом не увековечены». Поэтому за появление на карте улиц с новыми именами проект намерен бороться дальше. К тому же, некоторые существующие названия участников проекта совсем не устраивают. К примеру, они против нахождения на карте города имени Войкова. Это «не только теоретик, но и практик террора, соучастника убийства членов царской семьи», – говорит Бондаренко. Другой участник проекта «Возвращение», глава Издательского совета Московского патриархата, протоиерей Владимир Сивов считает, что в Москве имеются некоторые «несуразные названия», например, Ленинская слобода, и «кошунственные» – такие как шоссе Энтузиастов. Сивов пояснил, что нынешнее шоссе Энтузиастов это бывшая Владимирская дорога, «по которой гнали узников ГУЛАГа и которая стала последней в жизни сотен тысяч жертв коммунистического режима».

Екатерина Карташова, Андрей Вермишев

Россия поможет Армении с Нагорным Карабахом

Россия-миротворец

Россия взяла на себя роль посредника-миротворца в решении конфликта в Нагорном Карабахе. В Армении же уверены: любое решение проблемы ведет к новым разногласиям в армяно-азербайджанских отношениях.

Вопрос о мирном урегулировании карабахского конфликта по инициативе российского президента Дмитрия Медведева будет решаться в Москве. Не раскрывая нюансов переговорного процесса по карабахской проблеме, Медведев сообщил о предполагаемой встрече президентов РФ, Армении и Азербайджана. Заявление было озвучено во время визита российской делегации в Ереван.

«Россия и впредь будет содействовать в поисках взаимоприемлемого решения в карабахском вопросе, – сказал Медведев. – Проблема урегулирования карабахского конфликта не из простых задач, но мы поддерживаем усилия Минской группы ОБСЕ по этому вопросу». Как пояснил российский президент, «августовские события показали, что любой сложный вопрос должен решаться только на основе переговоров», и события в Южной Осетии стали одним из главных уроков в урегулировании конфликтов. Медведев подчеркнул: Россия готова к еще более тесному взаимодействию в рамках Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) с Арменией, которая в этом году председательствует в ОДКБ (кроме Армении, в состав ОДКБ входят также Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан).

Армянский коллега Медведева Серж Саргсян в ответ заявил, что «Армения готова продолжить переговоры по Карабаху на основе мадридских принципов, в основу которых положено право народа на самоопределение». В чем суть мадридских принципов, Саргсян не пояснил, посоветовав журналистам покопаться в интернете. Но ранее документ был представлен политическим оппонентом Саргсяна первым президентом Армении Леоном Тер-Петросяном. На последнем митинге оппозиции он озвучил «мадридские принципы», которые оказались категорически не приемлемыми для армянского общества. Речь идет о выводе армянских вооруженных формирований с территорий, прилежащих к Нагорному Карабаху, возвращении азербайджанских беженцев, демилитаризации территории, деблокировании всех транспортных коммуникаций, открытии армяно-турецкой границы, а также об определении промежуточного статуса Нагорного Карабаха и размещении международных миротворцев по периметру его границ.

Тот факт, что Москва стремится играть роль посредника-миротворца в Нагорном Карабахе, не является большой тайной. Но не секрет и то, что в прошлом эти попытки успехом не увенчались. Есть вероятность, что сейчас вопрос об участии России в разрешении конфликта может быть поставлен иначе: высокопоставленный источник Infox.ru в армянском парламенте не исключил возможность ввода российских миротворческих сил на территорию Нагорного Карабаха и создание там военной базы. «Но я не имею права выдавать эту информацию, – подчеркнул собеседник Infox.ru. – И имени моего лучше не называйте. Лучше обратитесь за официальным разъяснением в министерство обороны Армении». (В военном ведомстве, так же как и в МИД Армении, от каких-либо комментариев на этот счет отказались.) В то же время собеседник Infox.ru отметил, что и выполнение «мадридских принципов», и размещение российских баз в Карабахе в любом случае приведет к новым разногласиям в армяно-азербайджанских отношениях.

Эту позицию разделяют и российские эксперты. Президент Центра политической конъюнктуры Константин Симонов в интервью Infox.ru заявил: «Я сильно сомневаюсь, что в Нагорном Карабахе появится российская военная база. Армения, конечно, ключевой стратегический партнер России на Кавказе, но едва ли Кремль возьмется укреплять отношения с союзником таким странным способом – одновременно осложняя и без того непростые отношения с Азербайджаном, Турцией и странами Запада».

«Создание российской военной базы в НКР должно быть предметом особого межгосударственного договора. С каким государством России следует такой договор заключить? С Азербайджаном, в чьей юрисдикции формально находится Нагорный Карабах? С Арменией, которая не имеет к этой территории никакого юридического отношения? Или, может, с самим Нагорным Карабахом – государством без внятного политического статуса?» – недоумевает президент Центра стратегических оценок Александр Коновалов. Эксперт считает, что создание военной базы в НКР стало бы «пощечиной Азербайджану, с которым Россия, кстати, вовсе не планирует ссориться». И какие-либо аналогии с Южной Осетией и Абхазией здесь, по мнению Александра Коновалова, неуместны.

«Проблемы взаимоотношений Грузии с Южной Осетией и Абхазией долгое время оставались актуальными лишь потому, что никто, и Россия в первую очередь, не был заинтересован в скорейшем и

бескровном разрешении этих конфликтов. Москва рассматривала самопровозглашенные государства как инструмент давления на Грузию. С легкой руки Кремля южные осетины и абхазы обзавелись российскими паспортами, стали де-факто гражданами России. Но в Нагорном Карабахе нет российских граждан. Наконец, Карабах в отличие от Грузии не является зоной стратегического влияния США. Поэтому у России нет никакого, даже формального, повода для ввода своих войск в НКР», – считает эксперт.

Перспектива

И все же мысли о необходимости «защиты безопасности Армении как государства – члена ОДКБ» витают в политическом воздухе России и Армении. Причиной для подобных разговоров является, в частности, факт наращивания Азербайджаном своего оборонного потенциала. По словам президента

Азербайджана Ильхама Алиева, расходы государства на оборону в 2007 году превысили \$1 млрд – на \$865 млн больше, чем в 2003 году. «Война не окончена, – сказал глава государства в июне 2007 года. – Несмотря на то что продолжается режим прекращения огня, говорить об окончании войны пока нельзя». И в ситуации вокруг Нагорного Карабаха за прошедшие полтора года мало что изменилось.

Не исключено, что на грядущей встрече президентов России, Армении и Азербайджана, анонсированной Дмитрием Медведевым, стороны все же найдут некое цивилизованное компромиссное решение. Об этом недавно намекнул в интервью армянской службе радио «Свобода» заместитель госсекретаря США Дэниел Фрид. По его словам, карабахская проблема может быть решена до конца 2008 года. Фрид отметил, что сторонам конфликта предстоит принять сложнейшее решение. Какое именно – станет ясно, возможно, уже очень скоро.

Вячеслав Долинин

Свободное Межпрофессиональное Объединение трудящихся (СМОТ)

К 30-летию со дня основания

В конце 1970-х в Советском Союзе начали складываться независимые, выступавшие открыто общественные объединения, в задачу которых входила защита социальных прав трудящихся. Нарушение трудовых, жилищных и пр. социальных прав граждан было обычным явлением в СССР. Люди, которые не могли отстаивать свои права на местах, нередко обращались с жалобами в центральные органы власти (Генеральную Прокуратуру, ЦК КПСС, Верховный Совет и т. д.). В январе 1978 группа «жалобщиков», собравшихся в Москве из разных регионов, создала объединение под названием Ассоциация свободного профсоюза трудящихся в Советском Союзе. Возглавил организацию инженер из Макеевки Владимир Клебанов. Свободный профсоюз направил в Международную Организацию Труда (МОТ) обращение с просьбой о признании и поддержке, но получил отказ. Объединение Клебанова было вскоре разогнано КГБ, а его лидер арестован. После разгрома Свободного профсоюза «жалобщики» сформировали Независимый профсоюз, который возглавил Владимир Сквирский, но и это объединение просуществовало недолго. Обе организации по существу профсоюзами не являлись – они были ассоциациями, защищавшими права «жалобщиков», нарушенные не только в области трудовых отношений. Деятельность объединений «жалобщиков» не привела к прекращению нарушения социальных прав граждан, и борьба за эти права продолжилась.

28 октября 1978 в Москве на квартире математика Марка Морозова прошла пресс-конференция, на

которой было объявлено о создании Свободного Межпрофессионального Объединения трудящихся (СМОТа). В Заявлении, переданном иностранным журналистам на пресс-конференции, говорилось: «На сегодняшний день в стране нет независимой от власти организации, которая представляла бы непосредственно интересы трудящихся. ... Ввиду этого СМОТ ставит своей целью защиту своих членов в случаях нарушения их прав в различных сферах их жизнедеятельности – в экономической, социальной, культурной, духовной, религиозной, бытовой и политической – всеми доступными ему способами в рамках действующей Конституции и международных соглашений, подписанных советским правительством». Для оказания помощи трудящимся и безработным, не входящим в состав СМОТа, при нем была организована рабочая комиссия.

Профсоюз являлся федерацией автономных групп, которые делегировали своих представителей в координационный орган объединения Совет Представителей (СП). Состав СП объявлялся открыто, имена же рядовых членов профсоюза не афишировались. На момент создания СМОТа в СП вошли восемь человек. Один из них, Владимир Сквирский, был арестован по сфабрикованному обвинению еще 13 октября – до проведения пресс-конференции. Вскоре последовали новые репрессии против смотовцев. Морозова арестовали 1 ноября, члена СП Валерию Новодворскую – 24-го (это был ее второй, но не последний арест).

Уже в 1978 у СМОТа появился первый зарубежный представитель. Им стал Виктор Файнберг,

11/2008

участник демонстрации правозащитников, проведенной 25 августа 1968 на Красной площади в знак протеста против оккупации Чехословакии.

В декабре 1978 в Ленинграде вышел первый номер Информационного бюллетеня СМОТа (ИБ СМОТ). Его подготовила Ирина Каплун. Второй номер составил Лев Волохонский. Сообщение об аресте Волохонского появилось уже в третьем. Номера с третьего по шестой выпускали Николай Никитин, Татьяна Плетнева, Альбина Якорева и др. Первые шесть номеров имели преимущественно правозащитный характер, что было вызвано усилением политического террора в СССР в конце 70-х. КГБ не обошел вниманием СМОТ. ИБ помещал материалы о задержаниях, обысках, допросах и арестах смотовцев, а также заявления, сделанные в защиту репрессированных.

В мае 1979 в Москве состоялся суд над Владимиром Сквирским. Несмотря на то, что адвокат Генрих Падва убедительно доказал несостоятельность обвинения, Сквирского приговорили к пяти годам ссылки. Уже в ссылке ему еще три раза добавляли новые сроки. Вернуться в Москву Сквирский смог только в 1987. В июне 1979 в Ленинграде осудили Волохонского, арестованного в марте того же года. По статье 190-1 УК РСФСР его приговорили к двум годам лагеря. В августе также по статье 190-1 был арестован Никитин. Его отправили в лагеря на полтора года. Номера ИБ с четвертого по шестой были посвящены судебным расправам над Сквирским, Волохонским и Никитиным.

В июне 1979 в Москве судили Морозова. Его обвиняли по 70 ст. УК и приговорили к пяти годам ссылки. Суд был закрытым в связи с тем, что по «делу» Морозова проходил офицер КГБ Виктор Орехов, предупреждавший диссидентов о готовящихся против них акциях репрессивных органов. В рядах КГБ служили десятки «штирлицев», которые продавали государственные тайны зарубежным разведкам или перебегали на Запад, но офицер госбезопасности, сочувствовавший отечественным свободомыслящим, – явление редчайшее. Орехова приговорили к восьми годам заключения, и свой срок он отбыл полностью. В 1995 его снова привлекли к суду. В дальнейшем, уже из посткоммунистической России, Орехов вынужден был эмигрировать.

В 1980 репрессии против СМОТа продолжились. В марте КГБ снова арестовал Морозова. На втором суде ему дали восемь лет лагеря. Летом в психбольницы были помещены члены профсоюза Михаил Зотов, художник из Тольятти, и Владимир Гершуни, двоюродный племянник знаменитого эсэра-террориста. Владимир Львович Гершуни – один из лучших мастеров палиндрома в России. В 1979, например, на арест Льва Волохонского он написал свой очередной невеселый палиндром: «И Леву увели». Прошло чуть больше года после ареста Волохонского, и наступила очередь Гершуни. Для него это был уже третий арест, оказавшийся на этот

раз непродолжительным. Впервые Владимира Львовича арестовали еще в 1949. В лагере он подружился с Солженицыным, который написал о Гершуни в своей книге «Архипелаг ГУЛАГ».

22 июня 1980 член СП Владимир Борисов был принудительно выслан из СССР. Его силой вытолкали из самолета «Аэрофлота» в аэропорту в Вене – Борисов отказывался добровольно покидать родину и оказал сопротивление конвоирувавшему его сотрудникам госбезопасности. На следующий день в автомобильной катастрофе погибла его супруга Ирина Каплун. Многие смотовцы считали, что эта автокатастрофа подстроена КГБ. Для такого предположения было достаточно оснований.

В первых номерах Информационного Бюллетеня СМОТа материалы социально-экономического характера занимали незначительное место. Среди них помещались сообщения о продовольственных карточках, которые вводились в глубинке с середины 70-х. В Москве и Ленинграде такие карточки появились только под конец «перестройки».

В результате репрессий уже в 1979 на шестом номере выпуск ИБ прервался. Возобновить издание взялась новая редколлегия. Соредакторами Бюллетеня стали Ростислав Евдокимов и автор данного текста. Каким по счету был последний номер ИБ, выпущенный предыдущей редколлегией, новым редакторам на тот момент не было известно – уцелевшие после обысков экземпляры этого номера в их руки не попали. В ноябре 1980 они выпустили Информационный Бюллетень под номером 10.

Новая редакция изменила направленность издания, сделав его по содержанию преимущественно социально-экономическим, ориентированным, в первую очередь, на рабочую аудиторию. Редакция исходила из того, что советский «класс-гегемон» не был абсолютно преданным режиму и пассивным. Об этом, в частности, свидетельствовали массовые выступления рабочих в защиту своих прав, самое известное из которых произошло в июне 1962 в Новочеркасске. Не было секретом и то, что рабочие составляли немалую часть советских политзаключенных. Успехи профсоюзного движения в Польше в 1980 также убеждали издателей в правильности стратегического выбора.

Каждый номер ИБ начинался с редакционных статей. Это были статьи на социально-экономические и политические темы («Завершение пятилетки», «Заметки о повышении цен», «Итоги съезда» и т. п.). На страницах Бюллетеня доминировала политическая публицистика, порой едкая сатира. В каждом номере в разделе «Нам сообщают» помещалась информация о продовольственных карточках и дефиците товаров первой необходимости, поступающая из различных регионов страны. Печатались статьи о привилегиях власть имущих и нарушениях социальных прав рядовых граждан. Серьезное внимание уделялось событиям в Польше и деятельности профсоюза «Солидарность», с которым у

СМОТа начали устанавливаться контакты (СМОТ, кстати, был создан раньше «Солидарности»). Для того, чтобы ИБ легко воспринимался рабочей аудиторией, статьи писались простым и ясным языком, а объем номера не должен был превышать 15-20 машинописных страниц.

Официальная печать обычно обвиняла своих оппонентов в клевете на советский строй. На самом деле противникам режима вовсе не нужно было прибегать к клевете – лучшим аргументом против коммунистической системы была правда об ее неприглядных сторонах, которая замалчивалась советской пропагандой. Следователи КГБ не смогли доказать ложность ни одного из фактов, приведенных в ИБ. Авторы Бюллетеня часто пользовались опубликованными в советской печати данными, но интерпретация этих данных на его страницах отличалась от официальной. Например, в ИБ № 21 (октябрь 1981) в «Заметке о повышении цен» говорилось: «Партия не скрывает, что главная ее задача – забота о благе трудящихся. Последнее повышение цен еще раз это подтверждает. ... Для того чтобы «сохранить лицо», власти повысили выплаты некоторым группам населения. О смехотворных пособиях на детей и говорить не хочется. Стимулировать рост рождаемости такими пособиями можно не с большим успехом, чем лозунгами и призывами. Остановимся на пенсионерах. Повышены минимальные пенсии для 14 млн. человек. О чем говорит эта цифра? О том, что 14 млн. человек живут на МИНИМАЛЬНЫЕ средства. Кто не жил на такие деньги, пусть попробует: узнает, что такое настоящая нищета. А ведь большинство из этих миллионов всю жизнь вкалывало. Неужели они не заслужили себе обеспеченной старости? Наши власти находят средства для ведения войны в Афганистане... но для ликвидации нищеты в своей стране они средств изыскать не могут».

Для выпуска подпольного издания было необходимо соблюдать правила конспирации. Статьи, помещенные в ИБ, печатались без подписей (иногда под псевдонимами). На титульном листе каждого номера как место издания всегда значилась Москва, независимо от того, где этот номер выпускался на самом деле. Первый экземпляр редакционной закладки Бюллетеня уничтожался, чтобы затруднить определение «почерка» пишущей машинки, на которой он печатался.

Связь между региональными группами СМОТа и передача материалов для ИБ осуществлялась в основном через СП. Кроме Москвы и Ленинграда, Бюллетень тиражировался в Горьком (Нижнем Новгороде), Киеве, Куйбышеве (Самаре) и других городах и получил распространение в рабочей среде. Тиражи отдельных номеров достигали 200-300 экземпляров.

Региональным группам рекомендовалось издавать местные варианты ИБ на основе «центральных». Несколько региональных номеров были выпущены. В случае разгрома «центральной» редакции

продолжать ее работу имела право любая группа профсоюза.

Бюллетень поддерживал связи с другими неофициальными изданиями, в первую очередь правозащитными. Обзоры ИБ помещались в «Хронике текущих событий» (ХТС) и реферативном журнале самиздата «Сумма».

В 1978 СМОТ установил нелегальные контакты с ХТС. Журнал «Посев» публиковал обзоры материалов СМОТа, а некоторые статьи из ИБ перепечатывал целиком. В 1979 в издательстве «Посев» вышел сборник «СМОТ. Информационные бюллетени» (Серия «Вольное слово». Самиздат. Избранное. Выпуск 34. 128 с.). В этом сборнике были напечатаны 1-й и 3-5-й номера Бюллетеня, а также ряд других документов профсоюза.

В конце 1981 КГБ вышел на след ленинградской редакции ИБ, и редакционный портфель, в котором содержался материал для нескольких еще не опубликованных номеров Бюллетеня, был передан в Москву. Московская редакция в составе Владимира Гершуни и Валерия Сендерова стала выпускать ИБ, начиная с 14-го номера. Москвичи увеличили объем издания, количество правозащитных материалов на его страницах резко возросло. В дальнейшем материалы из Ленинграда продолжали поступать в ИБ вплоть до ареста ленинградских авторов, а продолжали публиковаться даже тогда, когда они находились уже в Следственной тюрьме КГБ. К концу 1982 вышло 35 номеров Бюллетеня.

В марте 1981 по концу срока из лагеря освобожденный Волохонский. В Ленинграде у него, как у бывшего политзаключенного, возникли сложности с пропиской и трудоустройством, и в мае он определился на работу в лесничество в Хвойнинском районе Новгородской области. Вслед за Волохонским туда же устроились на работу смотовцы Александр Скобов из Ленинграда, Федор Финкель из Москвы и др. Многие члены СМОТа приезжали в лесничество на время. В 1981–1982 Хвойнинский район стал полулегальной базой профсоюза. Там был подготовлен ряд материалов для ИБ. 11 сентября 1982 одновременно в пяти деревнях района, в которых обосновались смотовцы, КГБ провел обыски и облавы. Основную часть хранившихся там материалов СМОТа спецслужбы обнаружить не смогли.

В 1982 репрессии продолжились. Летом в Ленинграде были арестованы Долинин и Евдокимов, в Москве Гершуни (в четвертый раз) и Сендеров, в сентябре в Киеве автор ИБ поэтесса Ирина Ратушинская. В декабре КГБ повторно арестовал Волохонского, а также Скобова. Репрессии против СМОТа и других оппозиционных объединений свидетельствовали о страхе властей перед любыми независимыми общественными инициативами. Следователи КГБ говорили арестованным смотовцам о том, что не допустят создания в СССР профсоюза, подобного «Солидарности». Страхи партийных чиновников не были обосновательными – до

11/2008

краха коммунистического режима времени оставалось уже немного.

После арестов 1982 года СМОТ ушел в глубокое подполье. В этот период смотовцы продолжали заниматься просветительской деятельностью и распространением самиздата, но выпуск ИБ, продолжавшийся некоторое время в провинции с использованием заготовленных впрок материалов ленинградской и московской редакций, к началу следующего года пришлось временно прекратить. По некоторым данным в Поволжье были выпущены региональные версии ИБ с номерами, превышающими 40, причем одни и те же статьи и заметки могли попадать в отдельные выпуски под разными номерами.

В историю самиздата Информационный бюллетень СМОТа вошел как первое периодическое издание, адресованное рабочей аудитории. СМОТу и его ИБ удалось привлечь внимание зарубежной общественности и, в первую очередь, профсоюзов, к бесправию простых советских трудящихся и преследованиям актива независимого рабочего движения. Этим был нанесен серьезный удар по советской пропаганде, пытавшейся навязать всему миру миф о коммунистическом режиме как выразителе и защитнике интересов трудового народа. Этот миф принимали на веру многие левонастроенные западные «интеллектуалы». Легко понять, почему заблуждались иностранцы, не испытывавшие на себе прелести «советского образа жизни». Труднее разобраться с теми нашими соотечественниками, которые до сих пор ностальгируют по тоталитарному прошлому, – они-то прожили свою жизнь не в сказке, сочиненной отделом пропаганды ЦК, а в реальной советской стране.

В защиту СМОТа выступили влиятельные зарубежные профсоюзы. Среди них крупнейшие профобъединения Европы и Америки. В 1979 МОТ осудил СССР за преследования активистов профсоюзного движения.

Советские власти вынуждены были обороняться. В 1984 в пермском политлагере дипломат Арнольд Анучкин-Тимофеев рассказывал автору этих строк о международной конференции, в которой он участвовал. На этой конференции советские чиновники в ответ на обвинения СССР в нарушениях прав человека, в частности, в расправах над смотовцами, утверждали, что члены СМОТа это сплошные уголовники, алкоголики и сумасшедшие. Сам дипломат был арестован за анонимные письма, которые он посылал в различные советские газеты. В своих письмах он высказывал те же мысли и предложения по модернизации страны, которые вскоре легли в основание идеологии «перестройки». Однако в России опережать свое время всегда было делом опасным.

Освободили Анучкина-Тимофеева одновременно со смотовцами по «горбачевской амнистии» для политзаключенных в начале 1987. Тюрьма никого не исправляет. Не исправился и Анучкин-Тимофеев. Сбросив эковскую робу, он снова принялся писать в газеты, но «перестроившиеся» газетчики уже

не передавали его письма в КГБ, а печатали на страницах своих изданий.

Судьба члена СМОТа Марка Морозова сложилась куда более драматично. Он покончил с собой в Чистопольской тюрьме в августе 1986. До «горбачевской амнистии» оставалось всего полгода, но тогда, в августе 1986, о грядущей «амнистии» никто, включая и самого Горбачева, еще не знал.

В начале 1980-х преследованиям подвергся не только СМОТ, но и другие независимые общественные организации, а также общественно-политическая и правозащитная самиздатская печать. После разгрома ХТС (Хроника текущих событий) возникла необходимость возобновить сбор, обработку и распространение информации о политических репрессиях в Советском Союзе. Этим опасным делом занялась член СМОТа Ольга Корзинина, которая начала выпускать Бюллетень «+». Материалы Бюллетеня нелегально переправлялись за рубеж и перепечатывались в «Вестях из СССР», издававшихся с 1978 по 1991 в Мюнхене бывшим политзаключенным Кронидом Любарским. Бюллетень «+» выходил до мая 1987.

В 1987 из заключения вернулись Волохонский, Гершуни, Долинин, Евдокимов, Сендеров, Сквирский и др. Ратушинская освободилась еще в 1986. В 1987 после перерыва, вызванного репрессиями, возобновил деятельность СП. Не все смотовцы продолжили работу в профсоюзе. Новые времена открывали новые возможности. Новодворская, например, занялась созданием партии Демократический Союз, которую она и поныне возглавляет. Евдокимов и Сендеров сосредоточились на работе в НТС, став членами руководящих структур Союза и редколлегии журнала «Посев». Евдокимов, кроме того, создал и возглавил первую в стране группу МОПЧ (Международного Общества прав человека). Ратушинская сразу после освобождения эмигрировала в Великобританию. Сквирский со своими единомышленниками сформировал автономный Комитет Социальной Защиты (КСЗ), работавший под эгидой МОПЧа. КСЗ занимался проблемами «жалобчиков».

В январе 1988 СП принял решение сосредоточить усилия на пропаганде профсоюзных идей и организационной деятельности в трудовых коллективах. Представительские и координаторские функции были делегированы созданному тогда же Информационному Агентству СМОТа (ИАС). Переехавший после освобождения в Москву Лев Волохонский и Ольга Корзинина, ставшая его супругой, начали выпускать ИБ СМОТа под эгидой ИАС. С 1988 по 1996 вышло 118 номеров Бюллетеня. Информационное Агентство, помимо Бюллетеня, печатало и размножало многие другие независимые издания («Благовест», «Российские ведомости» и т. д.). Издавал ИАС и «Вестник Комитета Социальной Защиты» Сквирского. С 1988 Агентство выпускало справочники по самиздатской печати и независимым общественным организациям. Эти справочники сегодня являются бесценным источником для

изучения общественной и политической жизни периода «перестройки». В 1998, к двадцатилетию со дня основания СМОТа, ИАС выпустило юбилейный сборник «Свободное Межпрофессиональное Объединение Трудящихся. 1978–1998» (ИА СМОТ, С.-Петербург, 1998. 276 с.). В сборнике представлены основные документы СМОТа и отдельные статьи из ИБ, рассказывающие о двадцатилетней истории свободного профсоюза.

В 1990-е СМОТ активно отстраивал независимые профсоюзные организации на предприятиях. Количество первичных ячеек СМОТа стремительно росло, особенно в период 1991–1994, начали выходить новые профсоюзные издания – журнал «Синдикаты» в Смоленске, газеты «Баста!» в Минске и «Рабочая Тверь» в Твери. Однако в 1990-е многие предприятия стали закрываться и действовавшие на них ячейки свободных профсоюзов рушились вместе

с этими предприятиями. В наши дни СМОТ активно действует в Твери и в Белоруссии (в Минске подпольная группа профсоюза появилась еще в 1982). Небольшие группы СМОТа есть и в других городах.

Из всех независимых общественных организаций, выступивших открыто в 1970-е, только СМОТ, пережив репрессии, выстоял, не прерывая своей деятельности до нашего времени. Он не стал массовым объединением, как не стали массовыми и другие независимые общественные ассоциации, а также политические партии, возникшие по инициативе рядовых граждан и защищавшие их интересы. Это объясняется, в первую очередь, слабостью гражданского общества в современной России, до сих пор мало способного к самоорганизации и борьбе за свои права. Однако напор динамичного XXI века не позволит обществу оставаться в полусонном состоянии и дальше и таким беспомощным оно будет не всегда.

Андрис Тейкманис

90-летие латвийского государства

— *Итак, 90-летие латвийского государства. Для того, чтобы наши читатели могли видеть события, как из сегодняшнего дня видится вся та ситуация, которая была в 1918 году? И что вообще привело к тому, что появилось такое государство на карте мира, как Латвия?*

– Это действительно было одно из тех судьбоносных событий, которые в истории народа происходят, дай Бог, только один раз. Латвия и латыши 700 лет жили под немцами, и те стремления к проявлению своей идентичности, своей культуры, своей народности, своей государственности появились в XIX столетии, вместе с именами Райниса, Аспазии, Валдемарса – это те люди, первые интеллектуалы, которые зародили ту прекрасную идею, что народ может развивать себя сам, не спрашивая у кого-то – ни у соседа на западе, ни у соседа на востоке. И вот эти стремления, которые начались и с первыми газетами, и с первыми праздниками песни в 1873 году, и, что немаловажно, с первыми полками наших стрелков, которые воевали в I мировой – вот это все дало то самосознание, самоопределение своей силы, которое, в общем-то, в то действительно очень сложное время, 1916, 1917, 1918 года, когда через Латвию проходила линия фронта. Там были и немцы, и большевики, и царская армия, и латышская... В общем, там были все, и действительно, мало не показалось. Исторический момент, который надо было поймать, и я думаю, наши политики его тогда и поймали, образовали Народный совет, который 18 ноября 1918 года принял решение о провозглашении Латвийской республики. Вот этим все и началось, началась латвийская государственность. Еще надо

было пройти после этого и через советскую республику Петра Стучки, и через бои за освобождение от Бермондт-Авалова, и через освобождение от Германии, от немецких войск. Эта ситуация, которая продолжалась и в 1918, и в 1919 году, она оставалась очень, очень сложной, но результат все-таки был. 11 ноября 1919 года, это день освобождения Риги, который мы отмечаем как день героев. Этому посвящен фильм «Защитники Риги». Укрепление государственности продолжилось через мирный договор Риги 11 августа 1920 года с советской Россией, который оговорил все послевоенные отношения, в том числе, как важнейший принцип был зафиксирован отказ РСФСР, на вечное время, от всяких притязаний на Латвию. После этого была, конечно, и очень важная дипломатическая работа по признанию Латвии де юре в лице союзников, что тоже было успешно завершено. Далее была разработка Конституции Латвии, которую Учредительное собрание разработало в течение

*С Чрезвычайным и Полномочным послом Латвии в России беседует Григорий Амнуэль.

11/2008

1920–1921 годов, и в 1922 году 1 мая собрание утвердило эту Конституцию, по этой Конституции мы продолжаем жить и сегодня, новую мы не придумали. Независимость – это была и цель, и средство развития нации, средство обретения нации в этом прекрасном полотне, которое называется Европа, многогранном, многоцветном. Мы заняли тогда свое место, продолжаем занимать его и сейчас, но всегда будем дорожить вот этим первым основанием латвийской государственности, моментом, первым днем основания латвийского государства. И поэтому мы так дорожим этой датой, что только через независимость нашего государства мы можем себя развить так, как мы этого желаем.

– **Понятно. Это были трудные довольно 90 лет, там были разные моменты, моменты радостные, моменты печальные. Что удалось, а что нет? И вообще, какие страницы к этой юбилейной дате, прежде всего, вспоминаются из этих 90 лет?**

– Ну конечно, воспоминания каждой семьи латыша, это воспоминания, которые передавались из уст в уста, через наших дедов и бабушек, через наших родителей, о той нашей первой республике в межвоенный период. И действительно, надо признать, в этот период, в 1920-е – 1930-е годы, вплоть до 1940-го, Латвия развивалась очень стремительно. Очень стремительно развивалось народное хозяйство, образование, промышленность, не только сельское хозяйство. Ведь в 1930-е уровень Латвии был выше уровня Финляндии, как бы мы развивались если бы не эти трагические события II мировой. Мы не только изобрели фотоаппарат «Минокс», которым пользовались потом и советские, и западные шпионы, и делали самолеты, и радиоаппараты, у нас был и флот, и подводные лодки. В общем, действительно Латвия была очень к тому времени развитая страна, и поэтому, конечно, многие поколения после, в послевоенное время дорожили, идеализировали эту Латвию, хотя бы потому, что не все в ней жили. Действительно, можно признать развитие и народного хозяйства, и культуры и образования в этот межвоенный период, а надо признать, что трудно давалось развитие демократического строя. Конечно, свой отпечаток оставил и кризис, глобальный экономический кризис конца 1920-х – начала 1930-х годов. Была постоянная распря между партиями, что, в общем-то, в какой-то мере тормозило развитие государства, это и привело к установлению авторитарного режима Карлоса Ульманиса. Конечно, это значимая личность, и не только двадцатого века Латвии, он, можно сказать, основатель государства Латвии. Ну, скажем так, по сегодняшним меркам этот авторитарный строй был довольно мягким. Этот строй упразднил парламент и упразднил партии, но этот строй не проводил никаких репрессий, ни один человек не был казнен.

– **Наверное, можно сказать, как теперь это модно и принято говорить, была выстроена абсолютная вертикаль власти.**

– Вот это точно. Все замыкалось на президенте. Хотя, конечно, если сравнить, такие строи были повсеместно в тогдашней Европе, но скажем так, если смотреть сегодняшними глазами, сильной, развитой демократии мы не достигли. Чего не было, того не было. Из этого, конечно, мы сделали свои уроки уже потом.

– **Рига – уникальное место на территории бывшего СССР, в этом городе в досоветское время был поставлен Памятник Свободе, и он простоял и всю II мировую войну, и весь период, когда Латвия называлась Латвийской Советской Социалистической Республикой, и до сих пор, и видимо всегда в центре Риги будет стоять Памятник Свободе. Что значит свобода для латыша?**

– Свобода для латыша, наверное, это, прежде всего, свобода работать и свобода решать. Латыши, поколениями, как народ, росший, развивающийся как крестьяне, на хуторах, могли положиться только на себя, на свои силы. И вместе с тем, была такая необходимость – за себя и решать. У нас есть такая песня: «Мы хотим быть господа на своей земле». Господа, в смысле того, что я хозяин на своей земле, и там я решаю, сам на себя полагаюсь и никого не спрашиваю. И эта вот личная свобода результируется и в свободе государственной, свободе как единственном средстве выражения или существования нации. Латыши это нация индивидуалистов. Такие мы, в общем-то, остаемся и сегодня. Не всегда это просто, бывает достаточно много сложных ситуаций из-за этого, ну уж такие мы есть. Поэтому мы так дорожим этим Памятником Свободы, который был воздвигнут в 1935 году только на пожертвования, государство не вкладывало в его строительство денег, то есть он построен действительно на народные деньги. И это, я думаю, хороший принцип, мы о своей свободе должны сами заботиться и сами за нее платить. И это мы делаем. Многие годы, он стоял в самом сердце Риги, но было запрещено к нему подходить, это было чревато даже штрафами, и поэтому мы так дорожим этим священным местом не только для Риги, но и для всей Латвии.

– **Вернемся к истории Адриса Тейкманиса. Ему удалось быть и депутатом, и руководить городом, и потом стать Чрезвычайным и Полномочным послом – дипломатом. Что сложнее?**

– Я не знаю, что сложнее. Каждая работа имеет какие-то свои сложности. Но, может быть, самая сложная пора для меня была в начале 1990-х, когда мне пришлось руководить Ригой, это было время перемен, время реформ, время всего нового. Мы знали, что надо упразднить все старое, всё советское, я считаю, и сегодня это принципиальный вопрос – упразднить всё советское. А что делать заново – этого мы не знали, это был прыжок в темноту. Но был другой принцип, как нам часто говорили, это learning by doing, то есть мы учились на ходу. Это был единственный способ – учиться на ходу, совершенствовать и себя, и свои знания на ходу, и

строить, новое общество, новую систему экономики, систему отношений, структуру власти, и соблюдать, самое важное, соблюдать демократические принципы. Вот это основа основ, об этом у нас споров не было. И сегодня нет, хотя, может, кто-то где-то когда-то скажет: «Надо бы вот эту сильную руку», но совершенно ясно, что никакая сильная рука не может заменить демократический строй, само государство и все те принципы, на которых это государство основывается. Это выборность и отчетность парламента и правительства, это независимость и профессионализм судебной системы, это свободная пресса в самом широком смысле этого понятия, которая надзирает и контролирует первую, вторую и третью власть. Эти принципы не обсуждаются.

Ну, наверное, действительно самое сложное время было именно тогда – отпуск цен, введение свободных цен, вывод тогда еще советской армии, скачок особенно ценных энергоносителей, когда за один сезон он поднялся раз в пять. А до этого были и августовский путч, и баррикады 1991 года, всё было, и жертвы в том числе, через всё это надо было пройти, и остаться живым. Ну, прошли. Сегодня могу сказать, что конец 1980-х – начало 1990-х – это была и самая красивая пора моей жизни, которую я бы не дай Бог не хотел бы никогда повторить.

– Замечательно. А что сложнее, быть политиком или чиновником?

– Наверное, политиком, всё-таки. У дипломата есть определенное преимущество, особенно у посла. Есть преимущества перед другими чиновниками. Он обладает полномочиями, конечно, и ответственностью, но и определенной свободой действий. Определенной, но тем не менее. Политик, и я на себе это испытал, и достаточно регулярно и часто – есть ситуации, особенно у первых лиц, когда все на тебе замыкается, вот ты, и никто другой, а именно ты должен принять решение, на тебя смотрят, от тебя этого ждут. Вот тогда уже не всегда это решение дается легко, но как говорится, выбора нет. А потом уже другие, и история рассудит, было это решение правильное или не очень. Так что в этом плане у политиков, конечно, жизнь труднее.

– Что удалось, или наоборот, не удалось, за эти годы, проведенные в России в качестве чрезвычайного и полномочного посла Латвии?

– Удалось поставить наши отношения, скажем так, изменить русло отношений, придать ему какое-то другое течение. До того, как я приехал сюда, наши отношения были такие, скажем так, замороженные. Сегодня я их уже такими назвать не могу, и хорошо. Вот это действительно видно, изменения. Здесь, конечно, в первую очередь ответственность политиков, начало диалога политического, реального, содержательного политического диалога, и это самое важное. И это было запущено, и сегодня уже, в какой-то мере, даже при том всем, что у Латвии и России не всегда совпадают мнения, и в Москве, и в Риге понимают, что это не

конец света – ну не совпадают и не совпадают, давайте будем говорить дальше и выяснять, почему не совпадают. Самое главное, что мы говорим друг с другом, и говорим достаточно доверительно, и это, я думаю, огромный шаг вперед. Что не удалось? Не удалось, конечно, существенно продвинуть те исторические вопросы, которые своими корнями уходят и в 1940-й год, и во II мировую, 1939-й год, пакт Молотова-Риббентропа. Скажем, те 50 лет советской оккупации мы не продвинулись особо вперед, но я и понимаю, что этот вопрос, он очень сложный. Он очень сложный не только для Латвии, он очень сложный для России. Сложный, может даже, не из-за Латвии, а сложный для России из-за внутривнутриполитической обстановки. Тут российская позиция не Латвией определяется, Россия конфронтирована самой постановкой вопроса посмотреть трезво, здраво, объективно на свою же историю, от этого Россия никуда не уйдет, ей придется, рано или поздно, это сделать. Хотя это решение для политиков чрезвычайно трудное, тем не менее, на то они и политики, чтобы осознать эту ответственность. Цель этого процесса не в том, чтобы унижить Россию, как раз наоборот, пройдя сквозь очищение, страна и нация становятся намного сильнее. Мы сквозь это проходили. Очень болезненно. Но, тем не менее, объективно смотрели на свою историю, что мы делали, что хорошего делали и что плохого, этот процесс и у нас не закончен, но точно латыши как нация стала сильнее именно глядя на свою историю. Что мы делали в I мировую, что мы делали в 1940-м, 1939-м, что мы делали во время войны, вот на все это надо смотреть, не утаивать, не скрывать, объективно оценивать, и тогда мы становимся сильнее. И я уверен, что и Россия станет сильнее, когда оценит вот это советское время, вот эти все тоталитарные годы, все эти годы большевицкого режима. И сегодня у России фактически позиции нет насчет этого, это нельзя, когда одна половина говорит одно, а вторая половина это отрицает, когда нет движения, тогда стагнация, а не развитие. Я уверен, что это случится, и это конечно будет иметь прямое влияние на развитие отношений между Латвией и Россией.

– Поскольку ты сам коснулся истории, не могу не задать два не очень приятных, наверное, или очень сложных, скорее, вопроса. Первый, это конечно вопрос про II мировую войну, то есть всё начиная с 1939-го года и заканчивая 1945-м и даже после, концом 1940-х годов, и тем, что так часто вспоминается в России – дивизией Ваффен-СС, как проблемы пожилых людей, которые участвовали на одной или на другой стороне в этой страшной трагедии XX века – II мировой войне. Вот как это сегодня видится из Риги?

– Достаточно сложно. Достаточно сложно, поскольку ведь тут всё-таки надо разделять некоторые этапы. Во-первых, надо осознать, что латвийского государства не существовало в то время, и, значит, латвийское государство не могло принять

11/2008

решение проводить, создавать те или иные военные части. Пока латвийское государство существовало, оно принимало решения, и, кстати, в конце 1930-х, хотя я частенько читал в разных публикациях, что режим Ульманиса был такой «фашистский» и кокетничал с Германией, я знаю как раз наоборот. В конце 1930-х были очень напряженные отношения между Латвией и Германией, и в 1938–1939 годах, когда государства Европы отмежевались от евреев, которые покидали Германию, в Латвии поселилось около трех тысяч евреев, приняли их. А во время войны просто государства латвийского не существовало. Латыши участвовали в карательных командос, это было в 1941–1942 годах, были латышские добровольцы, хотя до войны таких фашистских организаций в Латвии не было, или были, но очень малочисленны. И Ульманис и фашистов, и коммунистов, всех посадил в тюрьму и они сидели. А когда уже Ульманиса не стало, они все вышли. Конечно, это есть, чувство мести к советской власти было у многих после 1940-го, как мы его называем в своей истории, страшного года, репрессий ЧК, пыток, депортаций. Много, много семей потеряли своих родных, близких, в июне 1941-го увезли в Сибирь, и было чувство мести, и, в общем-то, было основание встречать немцев, которых, в общем-то, никто терпеть не мог, тем не менее, они как бы освободили Латвию от Советов. Это очень болезненный вопрос, но я думаю, что наши историки, особенно историки, работали очень тщательно, все возможные исследования, публикации, и, в общем, этих убийц и головорезов никто героями у нас не считает. Многие получили заслуженную кару. Порой задают вопрос: «А почему в свободной Латвии никто не осужден из этих головорезов?». Но это уже было сделано, уж что-то, но упрекнуть ЧК в том, что она кого-то упустила, кого-то не нашла, уж в этом ЧК упрекнуть нельзя. Это колесо, которое прокатилось по Латвии после войны, и пострадали и виновные, и невинные – а кого искать после ЧК? Кого судить? Ведь два раза не пристрелишь никого, поэтому я думаю, все, которые заслужили кару, они это получили.

То, что касается собственно Легиона Ваффен-СС, который был создан в 1943-м году, это были регулярные части, это была мобилизация, и очень много семей было, где один брат был мобилизован в Красную армию, а другой брат в Легион. И не надо далеко искать, я смотрю на свою семью, у меня была та же ситуация. У моей матери было три брата. Один пошел в Красную армию, другой был призван в Легион, а третий погиб дома во время войны. У каждого латыша такая история найдется, их не спрашивали, нас не спрашивали, нам выбора не было дано, в какую армию идти воевать, латышской армии не существовало. Поэтому, так или иначе, надо осознать, что мы были вынуждены сражаться на фронте за чужие идеи, за чужие знамена, нам не было дано своих, и это наша трагедия, трагедия латышской нации, трагедия маленького народа, мы

пожинаем плоды этой ситуации, но не могли никаким образом повлиять на причину. Здесь только одно лекарство, наверное – действительно объективно посмотреть на эту историю. У нас есть послевоенное, военное поколение, оно растет, оно живет с двумя правдами, эти правды нет никакого смысла пытаться соединить, ну с тем нам и приходится жить сегодня. Не думаю, что это как-то влияет на развитие Латвии сегодня. Историю переписывать не надо, что было в истории, то и случилось, но жить с послевоенной сталинской историей мы тоже не собираемся, скрывать чего-то мы тоже не собираемся. Хотя как это болезненно, но мы должны смотреть на нашу историю открытыми глазами.

– Рига – один из ганзейских городов, соответственно, всегда торговый город, всегда многонациональный город. Было много людей вошедших после советской республики в латвийскую республику, и евреев, которых приняла Латвия, которых ты упомянул, да и люди других национальностей – и белорусы, и поляки, и литовцы, и кто только не жил на территории Латвии. Вот та ситуация, которая сложилась вновь после обретения, после восстановления независимости латвийской республики, о гражданах и негражданах. Каков сегодня взгляд на эту проблему и каковы перспективы решения этой проблемы?

– Да, тоже, конечно, тяжелое наследие, которое мы унаследовали после советской власти. Конечно, Рига и Латвия всегда были многонациональны, и в Латвии, надо признать, всегда к другим национальностям относились и толерантно, и с пониманием, и учетом их культуры и традиций. Наверное, и потому двести лет назад или более двухсот лет назад в Латвию пришли старообрядцы из России, и поселились в восточной части. И жили в своих селах, и поселились в Риге, и старообрядческая община и сегодня живет и можно сказать, процветает, сохранила свои обычаи, свои традиции, свою религию, и государство толерантно относится к этому, и с уважением. Конечно, проблема возникла не в отношениях между разными национальностями, и между разными конфессиями, а проблема возникла как раз когда в послевоенные годы в Латвию, как проявление политики советской индустриализации, было перекачано сотни и сотни тысяч жителей других советских республик. И я бы даже не сказал... Вот сегодня в Москве, когда я каждый день слышу дискуссии в отношении мигрантов, и проблемы, которые с этим возникают сегодня, они налицо, да? А то же самое, только в намного большем объеме, размере, было сделано в 1950-е, 1960-е, 1970-е годы в Латвии. И когда латыши, которые были в 1930-е где-то 77% от жителей Латвии, что в общем-то тоже указывает, 23% все-таки были люди других национальностей, и из-за этого не возникали какие-то конфликтные ситуации или проблемные ситуации. Но когда при подсчете уже в 1980-м году, латышей стало 52%, когда уже под вопросом становится существование нации, большинства нации, вот это уже действительно вопрос.

И, тем не менее, я думаю, что, при нахождении решения был выбран единственно верный путь. Начиная от варианта ноль, как у литовцев, но у самих литовцев и в 1990-м году было намного выше 80%, чистая математика. И с другой стороны, были требования проводить политику деокупации, а что это означает, думаю, мы можем понять. Так что выбрана та самая золотая середина, и сегодня, я бы сказал, все-таки, через почти 20 лет, я бы сказал, она дает стабильность в обществе. Конечно, не без дискуссий постоянных, это все есть, но это нормально в демократическом обществе. И, тем не менее, с одной стороны, было принято, и я бы сказал, народом, гражданами Латвии в 1998-м году, когда был референдум по нашему закону о гражданстве, когда фактически было решено и референдумом подтверждено что каждый житель Латвии может стать гражданином. Вот это такое историческое, судьбоносное решение, которое дало ответ всем – и тем, которые хотели нулевой вариант, и тем, которые хотели просто провести политику деокупации, просто избавиться от всех тех, которые приехали. Этот референдум дал ответ – все те, которые приехали, могут стать гражданами Латвии, но они должны стать гражданами, они могут стать гражданами путем изъявления своего желания стать гражданином. Это опять же мы можем вернуться к той теме, о которой мы говорили в начале – это индивидуализм решения. То есть каждый за себя принимает решение. Хочешь становиться гражданином Латвии или нет, решение за каждым человеком. Если хочешь – пожалуйста. Знание латышского языка – это не просто уважение к титульной нации, но и просто достижение комфортности житейской. Требования знания латышского языка, они действительно очень несложные, или знание основ истории Латвии. Вообще ничего, процесс несложный. И через это, через этот процесс каждый может стать гражданином Латвии. Я думаю, что эта политика была верная, и как бы нас Россия не критиковала за это (кстати, Россия никогда не высказывала, она говорила, что мы делаем неправильно, но она никогда не говорила, что такое правильно, что надо делать, у России нет позиции в отношении вопроса неграждан). Хотя я лично считаю, что сам термин «неграждане» он неудачный. Тем не менее, у России нет позиции в отношении этого вопроса, у нее позиция только одна – то, что у Латвии позиция неправильная. Но мы в ответе за наших жителей, не Россия, и мы у России спрашивать не будем, мы будем спрашивать у своих жителей, как правильно делать. Мы не будем спрашивать у Германии, что надо делать, мы не будем спрашивать у Америки, что надо делать, мы этот вопрос решаем сами за себя. Так что я думаю, этот вопрос – он будет иметь свое развитие, и та модель, которая была выбрана в 1990-х годах, я думаю, что она правильная.

– В сегодняшней ситуации нельзя не коснуться вопроса экономики. Наблюдается надвигающийся или уже идущий, по разным оценкам, кризис. Насколько серьезно кризис может коснуться

Латвии и российско-латвийских отношений, насколько серьезны экономические отношения между нашими странами?

– Россия как экономический партнер Латвии занимает достаточно серьезное место, хотя в основном латвийская экономика ориентирована на страны Европейского союза, три четверти торгового оборота идет в страны Европейского союза, но Россия уже стабильно заняла третье место и по импорту, и по экспорту. И эта тенденция увеличивается, сегодня уже свыше 10% импорта и экспорта Латвии, это отношения с Россией. Россия действительно важный партнер и важный экономический партнер для Латвии. Это не означает, что Латвия живет и существует на транзите российском и без транзита латвийская экономика сразу рухнет. Когда по политическим соображениям Россия закрыла вестелский нефтепровод, то тоже были разговоры, вот сейчас Латвия рухнет, что этот транзит дает чуть не 20% от валового продукта... В общем-то, изменения из-за этого не очень почувствовали, там разница была ну может где-то на полпроцента. Россия действительно важная составляющая, но многие наши предприниматели поняли одну вещь, вещь достаточно элементарную, что нельзя хранить все яйца в одной корзинке и надо равномерно развивать экономические связи и на востоке, и на западе, чтобы достичь определенного баланса и стабильности своего развития. И многие именно так и поступают, и достаточно успешно. Может, и Россия не очень легкий партнер в экономике, особенно это касается продовольственных вопросов, вопросы ветеринарные, фитосанитарные, были случаи, когда мы сегодня узнали, что вчера, оказывается, изменились какие-то правила, таможенные, какие-то другие правила. Но я думаю, что и наши предприниматели считают, что так может случиться, так может быть, хотя это не соответствует никаким образом тем правилам экономических связей, которые приняты в Европейском союзе, ну так просто не делается. Но, тем не менее, с Россией наш бизнес заинтересован работать, и работает. И по правилам пересечения границ, и по развитию инфраструктуры, и по тем же самым ветеринарным и другим правилам. Я думаю, очень хороший пример тех же самых латвийских шпрот. Менялись какие-то правила, какие-то письма рассылались, какие-то новые стандарты вводились, и толком никто не мог понять, что и кто решает. Ну а все-таки наши шпроты занимают такое стабильное и любимое место на столе россиянина. И, в общем-то, в тесной работе, совместной работе и с российскими чиновниками, и с российскими учеными в конце концов мы просто достигли изменения российских стандартов по качеству шпрот, и эти стандарты были сравнены с теми же, что существуют в Европейском союзе.

– В деятельности Андриса Тейкманиса во время работы его в России всегда большое место занимала культура. Это и ежегодный, ставший традиционным праздник в Коломенском, это и постоянные гастроли рижских театров. Был и

11/2008

театр Оперы и балета, и Новый рижский театр, и Русский рижский театр, и совсем независимые театральные латвийские группы, которые участвовали в тех или иных театральных московских фестивалях, и готовящаяся сейчас премьера фильма «Защитники Риги», и концерты Кремераты Балтии вместе с Гидоном Кремером...

– И постановка нашего Хайниса в «Театре Наций», рассказов Шукшина, которые еще будут в ноябре... Так что все идет, все развивается.

– Так вот, что значит для политика, для дипломата, культура. Насколько она помогает, насколько важна культура в межгосударственных отношениях?

– Культура это действительно чрезвычайно важная составляющая отношений не только между государствами, но и между народами, между нациями, между людьми просто. Это не только развивает интерес друг к другу, но и лучшее понимание, и поэтому даже в те годы, когда межгосударственные отношения были не на самом высоком уровне, тем не менее, культурные связи – они никогда не прекращались. И как мне постоянно подтверждали деятели культуры, артисты в России, они намного интенсивней, чем это было в советское время, поскольку, это тоже не секрет, во многом культурные связи образуются на личных знакомствах, на личных связях, и они никуда не исчезли, эти связи, они существуют и они развиваются. Поэтому, скажем так, есть послы, а есть вестники, и вот поэтому эти культурные вестники, они намного активней, чем дипломаты, они работают постоянно друг с другом, и, слава Богу, и хорошо, что это именно так. И я совершенно уверен, что этот объективный интерес, и латышской культуры в России и российской культуры в Латвии будет развиваться. Был сезон латышской культуры в России, был (вот сейчас заканчивается) сезон российской культуры в Латвии, и постоянно проводится в Латвии фестиваль «Золотая маска» с лучшими спектаклями. Есть множество примеров, у меня уже, в общем-то, и были планы даже на будущий год. Без этого я не могу представить развитие наших межгосударственных отношений, это одна из самых важных составляющих.

– Последний сложный вопрос: какое самое любимое латышское и, соответственно, русское блюдо? И готовит ли посол не только на политической кухне, на дипломатической кухне, но и на самой простой, человеческой кухне?

– Посол готовит. Конечно, в этом плане я не могу и не собираюсь состязаться с моей супругой, которая готовит действительно просто прекрасно, изысканно, она даже думает о написании какой-то книги рецептов, но я тоже люблю готовить, особенно люблю готовить разные салаты, это уже в нашем доме моя специальность.

Ну, латышская кухня у нас довольно-таки традиционная, крестьянская, она особо не отличается от той же самой, скажем, немецкой крестьянской кухни, и я ее люблю. Я люблю, вот что отличает латышскую кухню от других, есть множество блюд, приготовляемых из латышского черного хлеба: и мороженое из черного хлеба, и сладкое, десерт из черного хлеба, и эти блюда я очень люблю. Даже при том, что десерты не очень моя специальность и не столь я склонен к десертам, но вот эти вещи я действительно люблю.

Ну, из российской кухни, конечно, соленья, которые готовят в России. Нигде больше не способны приготовить, это конечно только здесь можно найти. Ну, что еще такое традиционное... Прекрасные вещи из рыбы, хотя бы взять строганину из прекрасных рыб сибирских рек, это просто что-то поражающее. Ну, в общем-то, я бы мог сейчас продолжить и насчет первых, и вторых блюд, мне нравится российская кухня. Мне действительно она нравится, и супы, и пельмени. Это то, чего мне будет не хватать, когда я покину Россию.

– Ну, после такого ответа, который прочтет читатель, у него явно разыграется аппетит, самое время поднять виртуальную рюмку и закончить наше интервью каким-нибудь пожеланием для российского гражданина, для читателя «Посева», ну и для Латвии.

– Какое б пожелание сделать... Ну, пожелание у меня, после моих проведенных лет в России, есть,

касающееся наших отношений, отношений Латвии и России. Я уезжаю из России, но с чувством, что многое сделано, но остались еще задания, задачи, работа, которую еще предстоит делать и дипломатам, и политикам, и мое пожелание: прежде всего продолжить развитие наших отношений на благо и россиян, и латышей. С терпением, с умением выслушать, с умением прислушиваться к мнению другого, и с доброжелательностью. И тогда, я думаю, наши отношения придут к той простой модели добрососедства, к которой, в общем-то, мы все стремимся, и от этого выиграют, я думаю, все жители и России, и Латвии, и будем дружить, и будем приезжать друг к другу в гости и будем понимать друг друга.

Евгений Князев

Столетие университета Шанявского

«Не из камней, а из людей
строятся университеты»

Около двух десятков лет назад у нас в стране, хотя бы декларативно, но старались следовать идеалам серебряного века: Витте, Столыпин и другие яркие персоны привлекали внимание разбуженного общества. Тогда имя Альфонса Леоновича Шанявского – основателя Московского горнодобывающего народного университета, стало в нашей стране верным паролем демократизации образования. Во времена перестройки появились ростки некачественного образования, но примечательно другое: редкий случай, когда такого рода призывы сочетались с подлинным пониманием концепции Шанявского. Если в начале XX века понятие «вольный» оказалось весьма распространенным, правильно понятым и принятым в России, то в конце столетия применительно к образованию так и осталось табуированным. Столоначальники под флагом ЕГЭ одержали сокрушительную победу. Термин «вольная высшая школа» остался за гранью понимания как ректоратов «НОУ (негосударственных образовательных учреждений – Е.К.)», так и их клиентов. Возможность приобщиться к «свободной науке» настолько стабильно шокирует абитуриентов, что настроенные на строгость родители, отдают своих чад в вузы, где «учат по стандарту» и где есть диплом «гособразца».

И с чего бы ни начинался театр, в вузе – начало начал – приемная комиссия. Конкурс, т.е., по сути, законно созданные мучения поступающих на вступительных экзаменах вызывают особую гордость у администрации вузов: «столько-то человек... на место». В отчетах для вышестоящих органов удовлетворенные записи: не прошло по конкурсу – столько-то, таким образом, «принято – в 3,7 раза меньше», по сравнению с числом абитуриентов.

Путь и свершения Шанявского

Альфонс Леонович Шанявский (1837–1905), вошел в историю образования как основатель Вольного университета. Создание учебных заведений

было фамильной традицией Шанявских, один из его предков, архиепископ, учредил домашнюю коллегию, на 10 мест, для обучения мальчиков этого шляхетского рода. В ней совсем недолго учился и будущий основатель вольного университета. Потом его, девятилетнего, отправили воспитанником в Тульский кадетский корпус для малолетних, затем – Орловский кадетский корпус, а потом – Дворянский полк в Санкт-Петербурге (так в середине XIX в. называлось Константиновское военное училище). После блестящего окончания, Шанявский поступил в Академию Генерального Штаба,

которую с отличием закончил в 1861 г., удостоившись чести занесения его имени на мраморную доску почета. Тогда окончивших «первыми в списке», лучших из лучших отличников в военном ведомстве особо отмечали. Они имели право сами выбирать, где им служить. Шанявскому предложили самое почетное – остаться в Академии для приготовления к профессорскому званию, т.е., в аспирантуру. Однако туберкулез помешал молодому офицеру остаться в столице.

Он неожиданно принял предложение Н.Н. Муравьева-Амурского служить на Дальнем Востоке. Жизнь в седле, ночлеги в тайге и, самое важное, живая, свободная деятельность врачевали его и благотворно сказались на здоровье. По свидетельству сподвижника, либерального публициста и преподавателя университета Н.В. Сперанского, который написал исполненный любви и уважения подробный очерк о Шанявском, сам Альфонс Леонович считал вольные годы, проведенные в Сибири, лучшими в своей жизни... В далеких краях А.Л. Шанявский познакомился со своей будущей женой и соратницей (что не было банальностью!) Лидией Алексеевной Родственной. Одна из подвижниц российского высшего женского образования, она внесла 50 тыс. рублей на создание женских врачебных курсов.

Что заставляло предпринимателей в конце XIX – начале XX вв. становиться меценатами? Как они сумели начать широкую благотворительную

деятельность и поддерживать развитие русской культуры, здравоохранения и образования? Многие из них сделали свои коллекции произведений искусства основой доступных народу музейных собраний: Третьяковская галерея, Щукинский и Морозовский музеи современной французской живописи, Бахрушинский театральный музей, собрание русского фарфора А.В. Морозова, собрание икон С.П. Рябушинского, собрание картин В.О. Гиршмана, М.П. Рябушинского и проч.; другие организовали и субсидировали деятельность таких культурных институтов, как частная опера С.М. Мамонтова, опера С.И. Зимина, художественный театр К.С. Алексеяева-Станиславского и С.Т. Морозова, издательство Солдатенкова, Александровское коммерческое училище, Практическая Академия коммерческих наук, Коммерческий институт, и Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского... Возможно, они находились под влиянием идей земского движения, возможно, ощущали неловкость быть богатыми в нищей стране. Главное другое: у них было неистребимое стремление идти вперед, дальше и дальше от мерзости рабства и, по выражению А.Л. Шанявского, «принудительного невежества».

Вся деятельность «шестидесятников» XIX-го века проходила под сильнейшим воздействием эпохи Великих Реформ. Передовые люди, уверенные в том, что только просвещением можно вырвать страну из тьмы векового невежества и средневековой отсталости, были воодушевлены уничтожением рабства. Главное предназначение Шанявского проявилось в эпоху «Великих надежд». Он активно «пробивал» сквозь мощные заслоны министерских запретов идею создания в Чите реального училища. Дело это пришлось отложить до перемены власти. Министр народного просвещения требовал открыть гимназию, в связи с насаждаемой концепцией классического образования.

Возвращение в Санкт-Петербург отрицательно сказалось на здоровье, тридцативосьмилетний генерал-майор вынужден был уйти в отставку, и вместе с женой вновь уехал в Сибирь. Вступив в компанию с В.Н. Сабашниковым (сын которого станет председателем правления вольного университета), Шанявский четверть века работал компаньоном-распорядителем фирмы, которая занималась разведкой и добычей золота на амурских приисках. Свою предпринимательскую деятельность он рассматривал как средство для своего служения делу просвещения народа. В Благовещенске он субсидировал гимназию, основал сельскохозяйственную школу в Забайкалье, принимал деятельное участие в многотрудном создании Петербургского женского медицинского института. За период с 1882 по 1894 гг. Шанявский вложили в создание своего детища более полумиллиона рублей. Однако уже зреет замысел такой высшей школы, которая могла бы принять всех желающих учиться.

Альфонс Леонович в 1901 г. с большим интересом следил за деятельностью Парижской вольной

высшей школы общественных наук, которую создали отверженные властями М.М. Ковалевский, Е.В. Де Роберти и Ю.С. Гамбаров. В этом городе с «розовым воздухом» российские профессора читали лекции для соотечественников. Возникал феномен вольного образования, ибо свободные науки следует именно так преподавать. И у основателей вольной школы не возникало иллюзии дать «законченное образование». Определение «законченное образование» легко обнаруживает странное сочетание дидактической тривиальности с прямолинейностью стона начальника. Нет, они выступали не против «законченного», а за «непрерывное образование».

Принудительное невежество

Казенные учебные заведения строго дозировано готовили послушных чиновников, а стране были нужны большие социальные группы творческих людей, способных к свободной деятельности. С настойчивостью, достойной лучшего применения, проводя курс на сословность образования, Министерство народного просвещения времен гр. Д.А. Толстого и И.Д. Делянова реально революционизировало общество. А в некогда тоже вполне отсталой Японии прошла знаменитая пора модернизации – «революция Мэйдзи» и сто лет назад разработана программа *всеобщего* среднего образования (сейчас в этой стране – задача *всеобщего высшего*...)

Крах в русско-японской войне угнетал Шанявского и одновременно явился стимулом дальнейшей проективной деятельности. Он писал: «Несомненно, нам нужно как можно больше умных, образованных людей, в них вся наша сила и наше спасение, а в недостатке их – причина всех наших бед и несчастий и того прискорбного положения, в котором очутилась ныне вся Россия. Печальная система гр. Д.А. Толстого, старавшегося всеми мерами сузить и затруднить доступ к высшему образованию, сказала теперь наглядно в печальных результатах, которые мы переживаем, и в крайней нашей бедности образованными и знающими людьми на всех поприщах. А другие страны в это время, напротив, всеми мерами привлекали людей к образованию и знанию вплоть до принудительного способа включительно... В 1885 г. я пробыл почти год в Японии, при мне шла ее кипучая работа по обучению и образованию народа во всех сферах деятельности, и теперь мне пришлось быть свидетелем японского торжества и нашей полной несостоятельности. Но такие удары судьбы даже такая страна, как наша, не может сносить, не востепенувшись вся, и вот она жаждет дать выход гению населения России... Но если он коснеет доселе в принудительном невежестве, то теперь настало время, когда он рвется из него выйти и со всех сторон раздастся призыв к знанию, учению и возрождению» (цит. по Сперанский Н.В. Альфонс Леонович Шанявский / Кризис русской школы. – М., 1914.)

Его идея: высшее народное образование – вольная высшая школа, неподвластная правительству, находящаяся в ведомстве городского самоуправления (что отличает ее и от частного и от казенного учебного заведения). Высшее народное образование должно восполнить систему государственной высшей школы, внести в нее существенные коррективы.

Не из камней, а из людей воздвигаются университеты

Средства на создание свободного университета А.Л. Шанявский предложил Городской Думе Москвы. Точным эпитетом «вольный» решили не дразнить власти, заменив его на вполне подходящее по смыслу слово «народный», каким он и стал по существу. Шанявский поставил четкие условия создания университета Московской Городской Думе. Они выражают совокупность принципов свободного высшего образования:

«Широкая доступность университета для всех желающих учиться вне зависимости от пола, национальности и вероисповедания и без требования предъявления каких бы то ни было дипломов;

чтение лекций на любом языке;

возможно умеренная плата за слушание лекций со стремлением к полной бесплатности занятий, как к идеалу;

организация Попечительского совета наполовину из членов, избираемых Городской Думой, наполовину из членов, пожизненно назначенных со стороны жертвователя, с тем, чтобы эти последние замещались самим Попечительным советом;

обязательное присутствие в совете нескольких членов женщин и нескольких лиц с высшей ученой степенью» (цит. по Князев Е.А. Генезис высшего образования в России. – М., 2001. – с. 123).

Не довелось увидеть законченным основное дело своей жизни отставному генералу. Осенью 1905 года А.Л. Шанявский скончался.

Его вдова Л.А. Шанявская, а также его соратники – М.М. Ковалевский, кн. С.Н. Трубецкой, В.Е. Якушкин, М.В. Сабашников и Н.В. Сперанский, В.К. Рот, С.А. Муромцев, Н.М. Перепелкин, Н.И. Гучков, Н.Н. Щепкин, М.Я. Герценштейн, – организаторы университета испытали мытарства в правительственных кругах и в Государственной Думе. Как только не именовали черносотенцы этот замысел: «гнездом польской крамолы», и при этом, одновременно «еврейским университетом» и «седалищем кадетской партии»... В.М. Пуришкевич выступил в Думе с мрачным пророчеством: «Если мы санкционируем почин Шанявского, то разрушим, в конце концов, Россию». Если министр просвещения П.М. Кауфман с пониманием встретил проект университета, то его преемник на посту А.Н. Шварц – весьма негативно, что отражено в его письме министру внутренних дел П.А. Столыпину о проекте устава Московского народного университета.

Сама идея народного университета была с восторгом воспринята интеллигенцией. В Думе ее защищал П.Н. Милоков, а Государственном совете – М.М. Ковалевский. Председатель Совета министров П.А. Столыпин также одобрил идею А.Л. Шанявского об организации народного университета. Великий реформатор обнаружил особый смысл в вольном образовании для всех желающих, отчетливо осознавая, насколько важно предоставить молодежи право на учебу, дать реальную замену столь распространенной радикальной политической манипуляции.

Государственная дума санкционировала создание университета со значительно сокращенными правами: ректора должен был утверждать министр народного просвещения, а программы – попечитель учебного округа. Кроме того, выпускникам не предоставлялось «прав» занимать государственные должности.

В Попечительский совет университета в начале работы по созданию в 1905 г. входило созвездие лучших и достойнейших людей России. Избранные Городской Думой В.А. Морозова, гр. Е.А. Уварова, А.С. Алексеев, А.А. Мануилов, кн. В.М. Голицын, кн. Е.Н. Трубецкой, А.С. Вишняков, Н.М. Перепелкин, С.А. Федоров, Н.М. Кулагин. Назначены жертвователем: Л.А. Шанявская, В.К. Рот, М.В. Сабашников, М.М. Ковалевский, кн. С.Н. Трубецкой, С.А. Муромцев, К.А. Тимирязев, А.Н. Шереметевская, А.Н. Реформатский и Н.В. Сперанский.

Только через три года после кончины А.Л. Шанявского, пройдя все круги чиновничьего и депутатского ада, 1 октября 1908 г., открылся вольный университет, сначала на Арбате.

Впрочем, идея вольной высшей школы встретила поддержку в общественном движении: за восемь лет сумма пожертвований, полученных университетом, составила 1 240 тыс. рублей, сверх миллиона, пожертвованного самим Шанявским.

Вольный = свободный

Воля – вот ключ к пониманию кардинальных преобразований, – подлинной модернизации, – как в высшей, так и в средней школе, произошедшей некогда в краткий период с 1905 по 1917 годы. И по сей день вызывает удивление едва ли не все, что связано с этим феноменом. Как объяснить во все времена невозможное «сочетание» генерала и образования, да еще и «вольного»? Откуда у него такое непреодолимое стремление к просвещению народа?

Образование – вот реальный шанс изменить социокультурный статус: четыре года – и ты уже не «мещанин», а «присяжный поверенный», можешь служить обществу на поприще юриспруденции! Или на любом другом, тобой избранном. Учение привлекало многих, стремящихся изменить свою судьбу, однако, этому социокультурному процессу отчаянно сопротивлялось Министерство народного

«затмения», создававшее запретительную систему «непросвещающего просвещения».

В начале XX в. университет Шанявского не только открыл свои аудитории для всех желающих, но, более того, здесь ликвидировали традиционные преграды на пути поступающих, не было, да и не могло быть причин для отказа абитуриентам. В университет Шанявского принимали лиц, достигших 16 лет, обоюго пола **«вне зависимости от социального происхождения, национальности, вероисповедания»**.

Остановимся на одном из пунктов – «вне зависимости». В те времена унизительные преграды, возведенные во времена недоброй памяти министра Толстого, стояли на пути желающих учиться в высшей школе. Совместного обучения лиц обоюго пола не допускалось в университетах, дабы не нарушить средневековые устои. «Процентная норма» крайне затрудняла доступ к образованию так называемых «инородцев», «иноверцев». Плата за обучения закрывала науку для большинства.

Шанявский выступил одним из самых последовательных бойцов в процессе разрушения дискриминационного принципа сословности в школе. «Кроме открытия доступа к знанию всем обездоленным, не имеющим выхода в правительственные университеты» народный университет принесет еще иную возможность обществу – «попробовать свои силы на работе созидательной: доселе ему по неволе была доступна лишь работа критическая» – писал А.Л. Шанявский. Именно этот мотив наиболее важен для основателя вольного университета: с помощью просвещения предотвратить стремительное сползание страны к радикальному неистовству доведенного до крайности народа.

Неказенная школа

Итак, желающим учиться, предоставили такую возможность только в вольной школе, что шокировало и даже пугало непривычных к подобным «вольностям» чиновников старой «закваски». Как же так, без «должного уровня» подготовки, брать «всех желающих»?

Министр И.Д. Делянов подписал пресловутый «циркуляр о кухаркиных детях», запрещавший обучать в одном учебном заведении детей знати и простолюдинов. В университет Шанявского поступали отверженные казенной школой. Например, вихрастый сельский юноша, не получивший гимназического аттестата, а значит, не имевший прав на получение высшего образования, Сергей Есенин.

Научно-популярное отделение университета предоставляло возможность компенсировать недостатки или даже полное отсутствие подготовки средней школы. В 1920-е, эту эффективную форму подготовки к вузу работники наркомпроса назовут «рабфаком».

Цель вольного университета, записанная в его уставе, опубликованная в проспектах его лекционных

курсов: «служить широкому распространению высшего научного образования и привлечению симпатий народа к науке и знанию». У основателя университета оказалось много верных сподвижников, поддержавших и развивавших идеал такого образования. Один из них, с мировым именем К.А. Тимирязев писал о совершенно новом учебном заведении свободном «от всякой китайщины (экзаменов, обязательных курсов и т.д.) задушивших науку в казенных университетах». В уставе университета признавалось наиболее желательным наметить лишь общие, по возможности гибкие положения, предоставив самой жизни определить детали [Центральный государственный исторический архив г. Москвы (ЦГИАМ), Ф. 635. Оп.2. Д. 111. Л.4.].

«Не из камней, а из людей строятся университеты»

Самое важное, считали благородный основатель и его просвещенные соратники – сделать высшие ценности человеческого духа достоянием народа. Твердая либеральная убежденность – кредо Шанявского и его соратников. Сам меценат и его последователи отчетливо осознавали, что в стране с неграмотным населением, свободное образование сможет привиться лишь при активном и деятельном содействии всего общества. Устав – доступная, вовсе не засекреченная бюрократическими отговорками о тайном ее характере, конституция университета, – разработан группой ученых и общественных деятелей, известных всей просвещенной России и Европе. В его разработке участвовали яркие звезды отечественной профессуры: М.М. Ковалевский, С.А. Муромцев, К.А. Тимирязев, А.Н. Реформатский и многие другие.

Ориентированные на бюрократическую карьеру, вузы бодро штампуют вкладыши к дипломам, а лукавые студенты здесь давно не столько учатся, сколько ловко сдают экзамены. «Обязательные для изучения науки становятся не целью обучения, а огорчительным препятствием на пути к «дипломированному невежеству», – писал историк Б.И. Сыромятников. Он подчеркивал, что существует два пути: либо открыть свободный доступ всем к высшим источникам знания, либо пойти с этим знанием непосредственно в народную среду. В первом варианте будет создан *вольный университет*, во втором – *народный*. Университет Шанявского располагал академическим и научно-популярным отделениями. Здесь предоставлялась возможность одним студентам сразу начать подниматься к вершинам образования, а другим – средство сначала познать его подножье.

Вполне логично, что вслед за принципом всеобщей доступности и отказа от «дипломов», основатели университета выдвинули требование свободной академической школы, т.е. взялись за трансформацию сущности: изменили организацию учебного процесса. Идея состояла в том, чтобы построить новое содержание образования, решительно отказавшись

от навязанных циркулярами учебных программ и планов, от обязательных курсов и лекций. Вольное образование, отличается от штудирования «учебных дисциплин», ибо изучает саму науку, воздействуя на слушателей лишь своим истинным академическим авторитетом, без всякого чиновничьего формализма, отказавшись от неизбежного в казенной школе насилия и принуждения.

«Университет для студентов!»

Предметная система обучения стала подлинным переворотом в высшем образовании; смысл ее в том, что факультетское и в целом университетское образование перестает стремиться к достижению неверно понятого энциклопедизма, но посвящается освоению важнейшего – методологии научного поиска. Многознание – не есть ум! Предоставив право свободы выбора в университете, предметная система позволяла раскрепостить студента, который сам составлял персональный учебный план, записывался в группы специализации, сам выбирал курсы и преподавателей, сам планировал сроки обучения, в соответствии со своими возможностями и способностями. Введение в учебный процесс самостоятельной работы студентов – такова главная идея предметной системы. Никакой рутины, никакого трафаретного академизма, отказ от «курсового обучения», когда единый контингент курса, едиными средствами и методами, изучает единое содержание учебной дисциплины, чтобы в одни и те же сроки сдать экзамен в период сессии. Сдать и забыть!

«Университет для студентов, а не студенты для университета!» Цель свободного образования – интересы лиц, в университет приходящих, а не вне его лежащие. Академическая жизнь университета Шанявского существенно отличалась от традиционного устройства высших школ. Студенты участвовали в жизни своей *alma mater studiorum*. Здесь сформировался тип личности «студента-шанявца», чуждого иждивенчества и школярства, учащегося с сильной мотивацией к науке, великолепно развитым нравственным стремлением приложить свои знания на практике. Именно эти студенты дали возможность нацелить университетское преподавание не на просветительство, а на углубленное и систематическое образование, развитие специализаций, приближение подготовки к реальной деятельности.

Первым слушателем, записавшимся в университет, стал Н.А. Шингарев, к тому времени окончивший уже два высших учебных заведения и сделавший хорошую служебную карьеру, но стремившийся своим участием поддержать вольный университет. В 1908/09 acad. г. в университет Шанявского записалось: на слушание полных циклов лекций 287, а на остальные – 677; плата за обучение на общественно-юридическом отделении составляла – 30 руб. в год, а на естественноисторическом –

50 руб. Гонорар преподавателям установлен Советом в размере 300 руб. за годовой час систематического курса и 15 руб. за лекционный час эпизодического курса [Центральный государственный исторический архив г. Москвы (ЦГИАМ), Ф. 635. Оп.2. Д. 111. ЛЛ.44.].

Число слушателей неуклонно возрастало: в 1910/11 acad. году составило 1 735 человек, в 1913/14 – 5 372, а в 1916/17 – 7 000. 47 % слушателей научно-популярного отделения составляли фабричные рабочие. Демократизм университета имел многочисленные проявления: так, при дефиците по смете на 1909/10 acad. г. в сумме 22 тыс. руб., руководство университета не считало возможным покрыть его за счет повышения платы за обучение, «ввиду принадлежности большинства слушателей университета к необеспеченным классам того, при каком условии внесение весьма умеренной платы, взимавшейся университетом за слушание лекций в текущем году, представляется очень затруднительным и даже непосильным» (Князев Е.А. Россия. От реформ к революции. – М., 2007).

Всех слушателей в 1911/12 acad. г. насчитывалось – 2675, 314 – на историко-философском, 145 – на естественноисторическом, 122 – на общественно-юридическом, 667 – занималось по собственному плану, 127 посещало эпизодические курсы, 1.087 – отдельные предметы. В 1911/12 acad. г. 80% общего числа слушателей академического отделения обладали образованием не ниже среднего, 72 % – имели профессиональное занятие, причем из них – 23,6% учителя и учительницы, а 22,5 – служащие, 17 % – учащиеся различных учебных заведений. Анкеты, распространявшиеся среди слушателей университета с критическими замечаниями по поводу организации учебного процесса. Средний возраст слушателей – 27,5 лет, 3/4 слушателей – в возрасте от 20 до 40 лет, 52,9% – женщины (см. Князев Е.А. Генезис высшего образования в России XVIII – начала XX века, – М., 2001, – С. 175).

Соратники А.Л. Шанявского сумели точно воплотить его идеал – создать вольную высшую школу, доступную всем желающим, неподвластную казенщине. Университет делал образование доступным для отверженных императорской высшей школой преподавателей и студентов.

В проспектах университета предлагались курсы, известные всей России ученые, однако около их фамилий стояло одно слово: «преподаватель» – единственное звание в вольном университете. Здесь преподавали К.А. Тимирязев, П.Н. Лебедев, Н.К. Кольцов, А.Н. Реформатский А.Е. Ферсман, Н.Е. Жуковский, Н.Д. Зелинский, П.П. Лазарев и многие другие. Ученые университета внесли заметный вклад в отечественную науку. Здесь зародилась кристаллография, разработанная Ю.В. Вульфом, А.В. Шубниковым, Б.К. Млодзеевским и В.К. Васильевым.

Преподавательский корпус университета усилился после т.н. «профессорской забастовки» – в

11/2008

1911 г., когда в связи с их протестом против авторитарного режима Министерства, во главе с мрачным губителем просвещения – Л.А. Кассо, Московский императорский университет покинула большая группа профессоров и доцентов. Выборное руководство: ректор А.А. Мануйлов, его помощник М.А. Мензибер и проректор П.А. Минаков, – подали прошение об отставке. Более ста человек ушли из университета: В.И. Вернадский, С.А. Чаплыгин,

П.Н. Лебедев, А.А. Кизеветтер, А.А. Мануйлов, П.Н. Скулин, М.Н. Гернет и др.

Однако ни А.Л. Шанявский, ни его верные соратники не смогли остановить неминуемого. Через несколько лет случилось непоправимое – Мировая война, после которой наша страна вышла из берегов. В одном они, несомненно, оказались правы: свободное образование – цивилизованный заслон от братоубийственного варварства.

МОСТЫ В ПРОШЛОЕ

Ежи Бар, Хероним Граля

Восстание в гетто – как это было?

16 мая, день окончания восстания евреев в Варшавском гетто, в Польше является государственным «Днём памяти и скорби». С Чрезвычайным и Полномочным Послом Республики Польша в РФ Ежи Баром и директором Польского культурного центра в Москве, Первым Советником Посольства Республики Польша в РФ доктором Херонимом Гралей беседует журналист Сергей Верёвкин.

Кто руководил восстанием в гетто, или никто?

С. Верёвкин: *Восстание в гетто организовали и вели Еврейский военный союз (1) и Еврейская боевая организация – (2) во главе с Мордехаем Анелевичем (3). Кто из них, на самом деле, был главным организатором и участником восстания?*

Хероним Граля: Когда-то один из лучших специалистов по истории польских евреев профессор Фридман сказал: «В истории восстания евреев в Варшавском гетто есть такая штука, что она выставляется нам каждый раз по-другому – в зависимости от того, кто ее пишет. Если пишет его всем известный Марек Эдельман (4), воспоминания которого были так прекрасно переведены Наташей Папчинской (5), то это восстание – затея Бунда, который был составной частью Еврейской боевой организации. Если это пишут люди, которые были связаны с консерваторами, с «Бейтаром» (6) и прочее, которые были ближе к Еврейскому военному союзу, то они подчеркивают, что они – военные профессионалы, они сыграли самую большую роль, были лучше вооружены, лучше подготовлены и т.д. Хотя, по сути дела, это весьма таинственная организация и мы очень мало о ней знаем. Если это пишут люди, которые были связаны с сионизмом, то восстание – это исключительно сионистское явление. А еще есть «оптика» коммунистов.

Понимаете, подавлено было восстание, уничтожено гетто. Архивисты и историки очень часто вынуждены опираться на немецкий материал. И, конечно, на воспоминания участников, но они как раз относились к разным группам. Так что разобраться сложно. Если сравнивать военный потенциал, с точки зрения того, как были распределены секторы защиты, то, без сомнения, ведущую роль играла Еврейская боевая организация. Все-таки она была в два раза более многочисленна, чем Еврейский военный союз, больше секторов, и, это имеет ключевое

значение – именно они бросили клич о начале восстания. Это был их лозунг, они только оповестили об этом Еврейский военный союз. Предупредили, в какой день они начнут восстание.

Но они не могли между собой договориться и раньше. Вопрос – а почему две организации? Да потому, что все попытки объединения в одну оказывались тщетны, поскольку у них были разные идеологические корни. С одной стороны – левые, те, кто с Бундом и прочее. А с другой стороны – консерватисты и сионисты. Не помогло им ничто объединиться – даже перед лицом смерти, но потом они объединились в последних боях.

С.В.: *Как известно, первые боевые акции еврейских бойцов сопротивления в Варшавском гетто оказались направлены не против немцев, а против евреев. В октябре 1942 года бойцами ВОВ были убиты руководители еврейской полиции в гетто (7). Как Вы вообще охарактеризуете факт убийства, да и само существование в гетто еврейской полиции, совершавшей такие преступления, что ее руководителей пришлось уничтожить, причем – в первую очередь?*

Ежи Бар: Надо иметь в виду, что суть германской политики в отношении гетто состояла в том, что многое немцы хотели сделать еврейскими руками. Вообще, рассматривая историю еврейского гетто, можно сказать, что немцы считали себя этакими «юберменшами», которые должны стоять над всем этим. Они не хотели заниматься конкретными вопросами, которые возникали каждый день. К примеру, у них была определенная идея использования части еврейского населения на тяжелых работах на заводах. И они эту идею «спустили вниз», а как это было организовано, как была организована охрана – этими вопросами занималась непосредственно уже, своего рода, «элитная» часть населения гетто – еврейская полиция. Немцы включались только в механизм уничтожения: охрану транспортов, когда проводились большие выселения – это, прежде всего, в

сорок втором году. Ну, а ежедневно житель гетто встречался только с еврейской полицией. Неудивительно, что она становилась все более бесчеловечной по отношению к простым жителям. Ведь надо иметь в виду, что там, на маленькой территории в абсолютно невозможных для жизни условиях были сосредоточены десятки тысяч людей. Можете представить, как там выглядела семейная жизнь, когда на руках матерей умирали их малые дети. Это было абсолютно сумасшедшие условия. Это был ад. Ад! И в этом аду был кто-то, кто стал наводить там свои порядки. **Порядок в аду** – вдумайтесь только в эти чудовищные слова. И неудивительно, что они стали первыми объектами мести.

А почему они пошли в полицию – я думаю, люди вначале ничего не знали о планах немцев. Им казалось, если они будут служить в полиции гетто, то смогут как-то уйти от смерти. Они не осознавали всей силы ненависти, того, что эта машина запущена до уничтожения последнего еврея. И была только проблема времени – ты пойдешь в первый транспорт, ты – во второй, ты – в третий. Но двигаться будешь все равно только в одном направлении – в направлении смерти.

Х.Г.: Господин Посол отметил ключевые моменты. Здесь можно добавить еще два, да простите мне это слово – практичных элемента. Во-первых, по сути дела, немцев в гетто не было. Они стояли на входах и выходах, контролировали пропускные бюро. А в самом гетто должно было быть самоуправление. При этом одним из самых простых методов сократить количество населения – были голод и болезни. Как известно, немцы ужасно боялись болезней. Еще и в связи с этим они не очень охотно входили в гетто. Потому и нужна была еврейская полиция, которая легче других служб могла стать жертвой возмездия еще и потому, что была не вооружена. Единственным их оружием были деревянные палки. Вы наверняка помните – это тоже было показано в «Пианисте» Поланского – как встречается член полиции со своей семьей, и загоняет ее палкой в транспорт.

Это настоящая драма. И нам трудно даже представить, живя в других условиях – размер этой драмы. Многие десятилетия было предано анафеме имя председателя Юденрата (8) в Варшавском гетто Адама Чернякова (9). До того момента, когда наконец-то «всплыли» некоторые мемуары, в том числе, самого Чернякова, и стало возможно вообразить, что же это было такое. Перед каким выбором невероятным ему приходилось стоять – кого спасать, а кого – не спасать, кого послать на уничтожение. И в тот момент, когда Черняков понял, что теперь уже никого не может спасти, он закончил жизнь самоубийством. Но даже это ему некоторые из стариков гетто ставят в упрек – почему он не пошел на смерть вместе со всеми, а предпочел уйти из жизни в одиночку? Но там была такая обстановка, что тот, кто этого не пережил, представить не сможет.

Сначала поляки не верили, что евреи решатся на восстание

С.В.: *Марек Эдельман, один из руководителей восстания, о котором уже упоминалось сегодня, в беседе с Чесловом Милошем, Ежи Туровичем и Яном Блонским, состоявшейся в 1993 году, утверждал, что – цитирую «власти польского подпольного государства, подчинявшиеся Лондону, и даже коммунистические – не хотели восстания в гетто. Они боялись, что восстание перекинется на всю Варшаву. И генерал Грот, не стесняясь, сказал: «Господа, этого восстания не будет, так как мы вам не поможем, мы боимся. Слишком рано». Далее он же утверждал, что, опять цитирую: «Во время самого восстания АК нам уже помогала, давала оружие и т.п.». Как Вы прокомментируете все эти слова Марека Эдельмана?*

Е.Б.: Ну, во-первых, каждый имеет право на собственное мнение. Когда я читал о восстании в гетто, у меня сложилось впечатление, что главным было не то, что поляки боялись восстания, а то, что мы вообще не верили, что евреи смогут на него решиться. Ведь раньше были просто невероятные сцены, связанные с их выселением – тысячи людей покорно шли на смерть и не оказывали никакого сопротивления. У поляков, которые об этом слышали или где-то видели, просто не умещалось в голове, что та может быть. Ты знаешь, что там будет в конце твоего пути – и идешь, ничего не делаешь. Так что был момент удивления. Только потом поляки поняли, что в гетто – восстание. До конца же точно никто не знал, что там происходило, на самом деле. Я, к примеру, читал, что потом поляки очень удивлялись тому, что оказывается, на территории гетто были заблаговременно – задолго до восстания – подготовлены несколько сотен бункеров. Это было сделано тайком. Там было даже так – поляки, давая оружие в гетто, не знали до конца – а как оно будет употреблено.

Поэтому масштабы военной помощи, малые в начале восстания, потом становились все больше и больше. Кстати, такой помощью была не только переброска в гетто оружия, но и другие акции Армии Крайовой. Бойцы АК устраивали проломы в стене гетто для связи с жителями и эвакуации их за пределы, они нападали на немецкие войска за пределами гетто, на так называемой «арийской» стороне, чтобы оттянуть на себя силы немцев. И тем самым помочь еврейским повстанцам и дать возможность населению через сделанные Армией Крайовой проломы в стене уйти. Были также факты сотрудничества с поляками евреев, которые сумели спастись из гетто, и потом включились в Варшавское восстание 1944 года. Были многочисленные примеры и того, как люди не только в самой Варшаве, но и за пределами города прятали евреев, сумевших выйти из гетто.

Х.Г.: Надо отметить и то, что во всей Европе испокон веков существовал устойчивый стереотип, что евреи – это все-таки не солдаты. Ведь в

11/2008

большинстве стран их столетиями даже не призывали на военную службу. Пример – хотя бы царская Россия. Откуда же у них возьмется военный опыт и боевой дух? Важная вещь – и на нее господин Посол уже обратил внимание – это вопрос, как будет использовано оружие?

Ведь когда по линии Армии Крайовой (10) и Гвардии Людовой (11) небольшие транспорты с оружием пришли в гетто как раз во времена «Гросс Акцион» – «Большого выселения» (12) – не было никаких симптомов сопротивления. К тому же надо учитывать тяжелый процесс накопления польским подпольем оружия. За него часто платили не только деньгами, но и кровью. Собирали его, где только возможно, получали по воздуху на парашютах – в этих условиях оружие было поистине бесценной вещью. И вот это бесценное оружие внезапно приходится делить с кем-то, кто, может быть, его вообще не использует. Психологически это было очень трудно.

В чем, кстати, разница, между Еврейской боевой организацией и Еврейским воинским союзом, в котором было сравнительно много профессиональных военных – офицеров и унтер-офицеров. Последний, будучи в два раза меньше численным, чем первая, гораздо лучше обеспечил себя оружием, вплоть до ручных пулеметов. Они, судя по всему, «корень», «ядро» своей организации заложили еще в тридцать девятом году. Судя по всему, у них было оружие еще со времен защиты Варшавы в те дни.

А здесь – молодые люди, которые стихийно создают организацию, и единственная возможность для гетто получить оружие, на территории которого его вообще нет – это получить его от польского подполья или просто купить. В то время была большая торговля – покупали его у немецкой полиции. Но в целом потенциал оружия, с которым на сражение с немцами идут обе организации – это все-таки две разные силы. Есть в мемуарах такое описание, когда один из представителей Еврейской боевой организации приходит на переговоры в бункер руководства Еврейского воинского союза, и видит, что все вооружены, по стенам висят ружья, пулемет. Видно, что они полностью готовы. А те по крупницам собирают свое оружие. И еще одна важная причина – когда представители «еврейской стороны» выходили на «арийскую сторону» в поисках контакта с польским подпольем, в нескольких случаях это было абсолютное попадание в ноль. Они встречали торгашей оружием, считая, что те – представители польского подпольного государства. Даже известный Ицък Цукерман (13) попал на них. Он двадцать лет был уверен в том, что покупал в те дни оружие у польских подпольщиков, а оказалось, что покупал у торгашей. Причем надо сказать, что сумма которую собрали в гетто на покупку оружия для повстанцев, была просто грандиозной. Это были большие финансовые операции, в результате которых и было получено большинство оружия. Но и от нас они тоже получили много оружия.

16 мая 1943 г. восстание в гетто не окончилось

С.В.: Известно, что окончанием восстания считается 16 мая, но также известно, что отдельные группы евреев во главе с Зхарьяху Арштейном (14) продолжали сопротивление до конца лета 1943 года. Что Вы скажете по этому поводу?

Х.Г.: Надо иметь в виду, что 16 мая – это весьма условная дата. 16 мая произошел взрыв Большой синагоги на Толмацкой – это был своего рода символ сопротивления евреев немцам, и вообще – символ варшавского еврейства. И, взрывая ее, немцы, что видно по записи в дневнике Юргена Штроопа (15), – как бы окончательно покончили с восстанием, осуществив этот символический жест. Для сравнения, это очень напоминает восторг Кагановича, когда взрывали Храм Христа Спасителя в Москве. Говорят, он сказал тогда: «Наконец-то мы ударили Матушку-Россию в чрево». Так или иначе – это все-таки был символический жест. Но, с другой стороны, то, что эта дата вошла, в обиход – это в какой-то степени победа Штроопа. Поскольку он в этой дате нуждался для своего отчета перед Гиммлером, чтобы показать ему, что все закончено. Последняя победа Штроопа.

Е.Б.: Кстати, его рапорт долгое время считался документом, представлявшим собой точное отображение правды о тех днях. Но, в конце концов, стало общепризнанным относиться к нему как документу, написанному с пропагандистской точки зрения. Только для того, чтобы как можно сильнее понравиться всесильному Гиммлеру.

Х.Г.: Тем более, что в первый день восстания им сильно «потрепали шкуру», хотя командовавший германскими силами в этот день заявил, что «у нас гетто больше нет». Я, кстати, категорически не соглашаюсь с такой фразой, что «восстание шло во главе с ...». Дело в том, что единого командования восстанием так и не было установлено. Они сражались в нескольких пунктах разрозненно, и зачастую без связи между собою. До сих пор неизвестно – где кто был? Другое дело, что система убежищ, подвалов, подготовленных бункеров – работала очень долго. До такой степени долго, что она давала приют евреям, оставшимся после поражения восстания в гетто – еще и после падения Варшавского восстания 1944 года.

Е.Б.: Были люди, и поляки среди них также, которые помогали во время уже Варшавского 1944 года восстания прятаться евреям, надеясь, что это продолжится какие-то несколько недель. Советская армия была уже на том берегу, и освобождение Варшавы вот-вот произойдет. Так что после подавления нашего восстания – это была поздняя осень срок четвертого года – люди, которые были спрятаны в этих бункерах или каких-то убежищах, верили, что они там будут находиться только какое-то короткое время. Есть разные описания в мемуарах о том, как они постепенно превращали свою «короткую»

жизнь в постоянную. Как они начинали жить только подземной жизнью. В одной книге я читал их совершенно невероятные воспоминания о том, как у них под землей «жизнь становится все лучше и лучше. Например – появилась кровать». Они же считали вначале, что не надо в убежище кроватей – всего-то на несколько дней туда спустились. А теперь наступила зима, и в декабре спать на земле без кровати стало уже невозможно. А потом им сказали, что уже 17 января 1944 года, и что они уже могут выходить на поверхность, что их уже освободили.

Х.Г.: Там был не один Шпильман из «Пианиста». Господин Посол напоминает о большом, по сути, деле. Послушайте только – 16 мая взрывают синагогу. Через год только началось Варшавское восстание. Вы знаете, сколько было к тому времени евреев, по подсчетам Еврейского исторического института спасенных поляками из гетто и спрятанных в Варшаве? **17 000 человек!** Не считая тех, кто был заключен на «Павяке» (**16**) – 600–700 человек. А здесь – 17 000 человек, которые создадут потом целые отряды в повстанческих формированиях Варшавы. Между прочим, оттуда идут два таких понятия, первое – «*подземное гетто*», «*гетто подземелья*» – потому что под гетто была выкопана целая система убежищ. А потом понятие, которое даже дало название польскому фильму, снятому после войны, – «*Варшавский Робинзон*». Мало кто знал, что, когда Поланский обратился к Шпильману и начал снимать своего «Пианиста», то он оказался уже второй картиной по этому сюжету. Потому что первой был снят в Польше – «Варшавский Робинзон» – и он касался того же Шпильмана, и отличался от «Пианиста» только одной мелочью. В нем было опущено то, что главный герой – это еврей, который прятался как раз до 17 января 1945 года – до освобождения Варшавы.

Е.Б.: Да, там были неизвестные факты, и сегодня мы, когда касаемся этой темы, то нередко сами удивляемся. Раньше не было возможности об этом читать, не существовало общедоступных книг. В коммунистическое время надо было встретить кого-то, чтобы от него узнать, что же было на самом деле. Так же, как и у вас не было ничего известно о ГУЛАГе, разве только от бывшего зэка...

Х.Г.: Исключая, конечно, «Посев», с представителем которого мы сейчас здесь беседуем.

Е.Б.: Да, да – «Посев», конечно, сообщал о ГУЛАГе всю правду, но его было очень трудно достать.

С.В.: *И за чтение изданий «Посева» как раз можно было легко стать «обитателем» этого самого ГУЛАГа...*

Е.Б.: Есть, например, такой аспект – чисто психологический, но тоже уже известный. Тяжесть этой жизни после падения восстания и до момента освобождения – была так невероятна для евреев, что потом, когда они появились из подземелий на поверхности, то только тогда узнали о размерах несчастья, которое произошло на территории Польши. Можно сказать, что они, если и остались живы

и вышли на поверхность земли, то вышли из гроба. И вышли – на поверхность кладбища. И они не могли найти себе места, потому что в послевоенных условиях никто особенно не мог ими заниматься. Понадобилось определенное время, чтобы они – послевоенное еврейство в Польше, пришли в себя и как-то обустроились. Это, кстати, отдельная очень интересная тема, и, как каждое социальное явление, оно требует времени.

Мы же говорим сейчас о первых моментах, когда они вышли на поверхность земли. Оказалось, что они не могут, не подготовлены жить в тех условиях, которые трудно назвать нормальными, несмотря на то, что немецкая оккупация уже кончилась. Хотя конечно же именно это для евреев и было самым важным, потому что при немцах они не могли даже появляться на улицах. Так что есть невероятные факты, как на этих людях отразились психические испытания, которые им пришлось пережить. Меня абсолютно не удивляет, что хотя и прошло уже более шестидесяти лет – все равно мы не можем об этом спокойно говорить. Несмотря на то, что мы – не евреи, но все равно не можем молчать – как люди и как поляки, на территории которых все это случилось.

А что же говорить о тех, кто непосредственно с этим был связан?

Меня поэтому и не удивляет такой феномен, что люди пережили гетто – я могу это заключить на примере моих знакомых – и так и ни разу об этом ничего никому не говорили. И многие, кто мог бы обо всем творившемся в гетто рассказать, до конца своих дней молчали. Есть люди, которые живут в Израиле, в России – они никогда к этому не возвращаются. И только сейчас, я в результате определенных контактов с евреями из Америки, Европы с этим стал сталкиваться – они стали говорить: «Да, я никогда своим детям и внукам ничего об этом не рассказывал, но сейчас, под конец жизни мне хочется высказаться».

Так что есть надежда, что таких свидетельств постепенно станет достаточно много.

Рузвельт прервал доклад о гетто словами: «а как в Польше дела с лошадьми?»

С.В.: *Каким было отношение лидеров антигитлеровской коалиции, и, в первую очередь, – западных держав к восстанию в Варшавском гетто? Как Вы его охарактеризуете?*

Х.Г.: Во-первых, конечно, существовало два канала, по которым общественность Европы и Америки узнавала об этом. Один – абсолютно официальный. Это то, что через польскую подпольную разведку собирало Польское Правительство в изгнании, и что оно сразу же представляло союзникам. Правительство в изгнании создавалось как структура, копирующая Национальный Совет, в нем были представлены все слои общества, в том числе и евреи. Так что оно энергично снабжало документами наших **альянтов (17)**. Например, уже в конце 1942 года

11/2008

Польский МИД обратился к альянтам с Нотой, в которой обращал внимание на драматическую судьбу еврейского народа, и предлагал принять определенные меры возмездия. Я бы даже сказал – не возмездия, а политического шантажа в смысле – «если вы – так, то мы – тоже так». И юридический эффект от этого был бы, поскольку Объединенные Нации (18) издали такую совместную декларацию, в которой они, как бы сказать, обвиняли немцев в преступлениях, и угрожали судом и наказанием за геноцид после окончания войны. Но, честно говоря, никаких последствий это обращение, конечно, не имело.

Дальше в события активно включается Шмуль Зигельбойм (19). А с другой стороны, в конце сорок второго года в Европу возвращается Ян Карский. Со своим отчетом он едет в Англию, и никто не хочет его слушать. Он был у Идена, разговаривал с политиками, говорил с представителями еврейской общественности – и в Англии, и за океаном. В конце концов, появляется он у Рузвельта. И реакция Рузвельта, как вспоминает Карский в своих мемуарах, на его доклад, что происходит с евреями, была такова. Когда он стал предлагать принять определенные меры по отношению к немцам, его прервали вопросом о том, какое сейчас положение в Польше с лошадьми. Не уменьшилась ли популяция лошадей, какое к ним отношение и так далее...

Один из виднейших западных политиков, когда Карский ему рассказывал, а он подготовил доклад на восемнадцати страницах, на нескольких языках, выучил его наизусть и всем это рассказывал – также прервал его и сказал: «Не надо мне этого, не надо. Я слишком старый человек, чтобы верить в эти ужасники. Это слишком страшно, чтобы это было возможным». В конце концов, об этом очень часто все забывают, был такой форум на Бермудах весной 1943 года, собранный по инициативе американских и британских евреев. Который должен был обсудить, какие принять меры, чтобы спасти евреев – была такая конференция международная. Разошлись тогда ни с чем, поскольку главная мера, которую предлагали те, кто хотел спасти евреев (открыть европейские границы нейтральных государств, чтобы они смогли свободно проникать через них, давать им там паспорт) принята не была. Были еще предложения, в том числе и от польских политиков, чтобы просто обратиться к немцам с Ультиматумом: «Если вы не прекратите уничтожение евреев, пойдет, как возмездие – бомбёжка немецких городов, бомбёжка мирного населения. И в первую очередь, городов, при которых есть концлагеря, и, конечно, большие немецкие агломерации». То есть предлагались разные конкретные меры. Но решения такого не приняли и этот способ не был использован.

Е.Б.: Эти бомбежки в большом масштабе были в сорок четвертом году. Тогда, когда судьба евреев была уже решена.

Х.Г.: Они, в общем-то, были ответной мерой на совсем другие вещи. Страшное уничтожение Ковен-три, например. И на то, что немецкое руководство

объявило коалиции устами Геббельса «тотальную войну». Раз тотальная война – то мы будем бомбить. Но сначала эти меры не приняли.

Я упомянул Шмуля Зигельбойма. В этих драматических условиях, чтобы пробудить совесть мира, польские политики еврейского происхождения прибегали к самым драматическим мерам. Зигельбойм предлагал своим напарникам и друзьям собрать группу евреев, которые в Лондоне публично покончат с собой перед зданием парламента, чтобы всколыхнуть общественное мнение. Добровольцев не нашел. Но он сам это сделал – в приемной Министра иностранных дел Великобритании Идена. Не всколыхнуло – даже пресса особенно не отозвалась.

16 мая – День скорби и памяти – но только в Польше

С.В.: *В Польше 16 мая – день окончания восстания в Варшавском гетто – объявлен государственным Днем Памяти и Скорби. Какую роль и какое значение играет этот день в жизни простых поляков? Что для них значит этот день? Какое значение имело восстание в Варшавском гетто для Варшавы, для Польши, для польского народа в то время и сегодня?*

Е.Б.: Если коротко сказать – только в условиях собственной независимости мы впервые имели возможность найти самих себя, и найти в себе ответ – что это для нас значит. Потому что раньше было столько молчания, столько невежества. Сегодня, конечно, невежество – тоже наш враг. Но совсем по другим причинам. Сегодня идет жизнь такая интересная своей радостью и возможностью пользоваться свободой, что просто нет стимула, всем заниматься смертью.

В конце концов, мы все-таки упоминаем о трагедии, о смерти. Но с другой стороны, это не только память о восстании в гетто. Появляется интерес поляков, в особенности молодого поколения, к вопросу изучения сосуществования евреев с нами в течение многих столетий – люди просто хотят об этом знать. И мне кажется, что тут есть место и для знаний о восстании в гетто. Сегодня отмечается также феномен, которого никогда прежде не было в нашей истории – огромный интерес к еврейской культуре, к еврейским писателям, музыкантам. Между евреями и поляками появились и укрепились контакты – я имею в виду наше участие в ежегодном марше в Освенциме/Аушвиц, который называется «Шествие памяти». Почти каждый из нас участвовал в «Шествии памяти» вместе с людьми, которые связаны с этим местом своей судьбой.

Варшава является особенным местом в Польше, таким, где эта память присутствует практически везде. Я рад тому, что на карте, плане, площадях и улицах нашей столицы появляется все больше и больше отмеченных памятными плитами мест, которые напоминают нам о разных эпизодах восстания. Этого раньше не было. Конечно, я не говорю

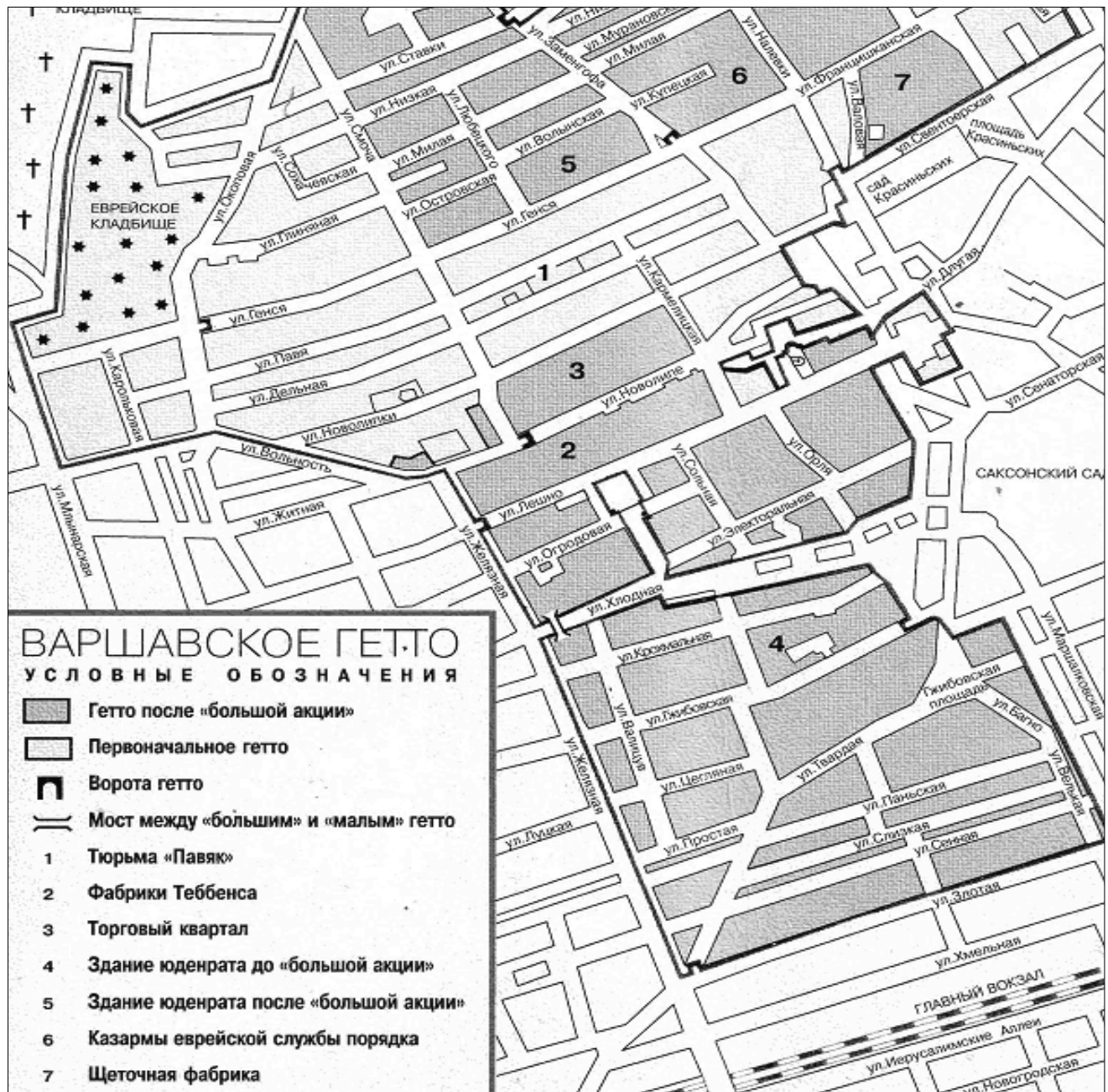
уже о памятнике на «Умшлагплац» (20) – там, где было главное место выселения евреев в концлагерь, на смерть, а и про другие свидетельства. Хорошо, что о фактах, о которых раньше никто не знал, таких, например, как подвиг Ирены Сендлеровой – сегодня много пишут. И я надеюсь, что и они войдут в нашу национальную память – станут все более известными, войдут в школьные учебники, будут какие-то премии имени таких людей. Вот еще и Януш Корчак, он, можно сказать, закрепился в нашей памяти раньше. Это еще и оттого, что поляки особенно чувствительны к детям. Оказывается, благотворительные акции у нас дают самые благоприятные результаты именно тогда, когда они касаются детей.

Думаю, вне зависимости от всех радостей жизни, что сейчас стали нашими буднями, можно сказать – в условиях независимости мы найдем в себе достаточно человеческих чувств, чтобы устроить в своих душах такую «нишу памяти». И пусть это не

будет обязанностью только чиновников и политиков. Пусть это пойдет во весь народ. Я в это верю. Верю, потому что благодаря истории сосуществования поляков с евреями история Польши более понятна, более богата.

Кстати, чтобы Вы знали – сегодня в Польше есть крайне благоприятные и радующие нас симптомы – к нам приезжают, к нам возвращаются евреи – причем не только бывшие польские евреи, которые основывают различные организации, например, в том числе и религиозные еврейские школы. Именно когда они появляются, можно считать таким знаком, что евреи верят – так, как им часто было хорошо в прошлом, так же им будет и в дальнейшем.

Независимо от этого невероятного несчастья, которое произошло – нечто хорошее было в этой земле и в этом народе. Раз евреи могли быть с нами так долго в прошлом, то некоторые из них, возможно, теперь захотят быть с нами и в будущем.

Сергей Веревкин

Как это было. Комментарии

1 ■ **Еврейский военный союз (ЗЗВ)** – подполье членов ревизионистских сионистских организаций, в основном из **Бейтара** (см. примечание № 7). Назван по аналогии с действовавшим в то время в Палестине одноименным ревизионистским подпольем ЭЦЕЛЬ – Иргун Цваи Лэуми (ивр). В ЗЗВ входили преимущественно бывшие военнослужащие польской армии еврейской национальности, в основном, офицеры и унтер-офицеры. По сравнению с **Еврейской боевой организацией (ЗОБ)** был несравненно лучше подготовлен в военном отношении и оснащен оружием, многое из которого было припрятано вступившими в него бывшими военнослужащими польской армии еще со времен германо-советско-польской войны 1939. Руководителями ЗЗВ были **Павел Френкель**, **Лион Рондаль** (Леон Родаль), **Хаим Лопата** и **Давид Аппельбаум**. Последний в 1939 сразу же после поражения Польши в германо-советско-польской войне 1939 создал организацию «Свет», состоящую из бывших солдат и офицеров польской армии еврейской национальности. «С.» в 1942 был преобразован в Еврейский союз борьбы. Осенью 1942 «С.» объединился в «Союз мести» с группой еврейской молодежи Варшавы, которая в августе 1942 воевала в польских партизанских отрядах под Люблином, и через несколько месяцев вернулась в Варшаву для продолжения вооруженной борьбы. Тогда же «С.М.» вошел составной частью в ЗОБ. Однако уже к началу 1943 из-за имевшихся идеологических разногласий «С.М.» вышел из состава ЗОБ, и был реорганизован в ЗЗВ. В отличие от ЗОБ в ЗЗВ принимались люди вне зависимости от их партийной принадлежности и идеологических воззрений, даже контрабандисты. Руководители ЗЗВ имели старые контакты с польскими военными организациями «Корпус безопасности» (КБ) и «Польское народное движение за независимость» (ПЛАН), от которых получал немало оружия, в том числе и пулеметы. Самый крупный отряд ЗЗВ – на Мурановской площади – имел на вооружении 2 тяжелых, 1 легкий пулеметы, и 8 автоматов. Штаб ЗЗВ был оснащен мощной радиостанцией. ЗЗВ выпускала во время восстания газету «Моритури те салотант, Иудеа!» («Идущие на смерть тебя приветствуют, Иудея!». С началом восстания часть своего оружия ЗЗВ передал гораздо хуже вооруженному ЗОБ. **Численность ЗЗВ на момент восстания достигала 400 человек.** Кроме того, члены ЗЗВ практиковали мобилизацию способных носить оружие мужчин из числа населения гетто. Из ЗЗВ после восстания в гетто никто не уцелел. Сначала разногласия между ЗЗВ и ЗОБ были таковы, что встреча руководителей разных групп в подполье закончилась хватанием за столеты. Бейтаристы предлагали рыть пути отхода из гетто. Их заподозрили в намерении сбежать, когда официальная цель была героически умереть.

Ирония истории заключается в том, что вырытые маленькой группкой ревизионистов туннели в канализационной системе, знаменитый ход на арийскую сторону под **Мурановской улицей** помогли уйти из гетто **Казику**, **Эдельману**, жене Ицыка Цукермана **Цивии Любеткин** и десяткам их товарищей из ЗОБ из гетто. Затем сотрудничество между двумя организациями начало понемногу налаживаться, но до конца этот процесс так и не дошел. Мелочная «идеологическая борьба» царил и внутри других организаций еврейского подполья. Левые и правые сионисты не могли договориться между собой и с несионистскими организациями. Бундисты отказывались создавать еврейское подполье, веря, что надо объединяться с поляками. Активисты Бунда не верили, что акции немцев против евреев носят характер геноцида, поскольку в это же время германские эйнзацгруппы производили массовую отправку в лагеря уничтожения польской элиты и интеллигенции и расстреливали заложников в польских деревнях. Подпольщики отказывались верить, что акции уничтожения направлены против евреев как таковых. Ведь одновременно, по планам ариизации, шли повальные аресты польской интеллигенции и официальных лиц польской администрации. В Вильно, например, верили, что немцы лютуют лишь потому, что в Вильно осталось много коммунистов, помогавших Советской власти. Лишь прятавшийся в монастыре **Абба Ковнер** сумел понять страшную правду. Командиром виленского подполья **Фарейниктер Партизанэр Организацие**[RTF bookmark start: _ftnref11] ([RTF bookmark end: _ftnref11])Объединенная партизанская организация, ФПО) стал коммунист **Ицик Виттенберг**. Гестапо каким-то образом узнало о нем и потребовало у главы юденрата **Генца** и начальника еврейской полиции **Глазмана** (был членом ревизионистской сионистской партии и входил в руководство ФПО) его выдачи. По требованию товарищей Виттенберг сдался и покончил с собой в тюрьме. Руководитель подполья в гетто в **Бялостоке** коммунист **Мордехай Танненбойм** отказывался верить связной из Вильны **Броне Клебански**, что там коммунисты вошли в коалицию с сионистами. Член штаба ФПО в **Виленском гетто** **Нисан Резник** рассказывает, что советские командиры не считались с еврейскими партизанами Аббы Ковнера потому, что знали о его сионистском прошлом. Командир восстания в Варшаве Мордехай Анелевич отказался принять в подполье сформировавшийся в боях отряд из организации еврейских скаутов «**Ацофим**» (разведчики, ивр.) Он готов был отбирать по одному. Дело доходило до того, что из-за политических разногласий подпольщики соглашались хоронить только «своих» товарищей по партии. **Основные силы ЗЗВ были разбиты к концу апреля, но некоторые группы, например, под командованием Хаима Лопаты,**

группа Янека Пики (погиб в начале июня 1943), сражались до середины лета 1943. Не только в конце 1943, но даже и летом 1944, через год после подавления восстания в гетто, на его территории происходили стычки групп вооруженных уцелевших евреев с нацистами.

Помимо 33В и 30Б, в гетто по разным подсчетам насчитывалось до 6 000 человек, вооруженных и оказывавших сопротивление гитлеровцам, но не подчинявшихся никому.

По подсчетам Штроопа, с 19 апреля по 16 мая было убито около 7 000 евреев, около 5 000–6 000 погибло внутри зданий и бункеров от огня и взрывов. А 56 065 евреев ему удалось вывезти из гетто. Свои потери Штрооп оценивал в 16 убитых и 90 раненых. Подпольная пресса Варшавы писала о 100, 200, 300, 400 и даже 1 000 убитых карателях. Позднее, уже находясь в польской тюрьме, он признался, что данные о потерях им были существенно занижены. Например, легкораненых он вообще не включал в списки потерь. Так же, как и общие потери польской полиции. Военные трофеи, захваченные немцами в гетто – мизерны – 9 винтовок, 50 пистолетов и револьверов, немного патронов, бутылок с зажигательной смесью, гранат и взрывчатки.

2. Еврейская боевая организация (ЗОБ) – крупнейшее подполье в Варшавском гетто, включало в себя группы членов левых организаций Бунда (Социалистический Еврейский Рабочий Союз) левых сионистских Хашомер а-Цаир (Молодой страж), Дрор-Ахалуц (Свобода-Пионеры), Гордония, национально-религиозный Акива и остатки разгромленного гестапо накануне восстания коммунистического подполья ППР (Польская Рабочая Партия). В гетто Варшавы в конце апреля 1942 г. был создан Антифашистский блок, в который вошли левые сионисты и коммунисты, создавшие 28 июля 1942 г. Еврейскую боевую организацию. Только в ноябре 1942 г. после долгих переговоров Бунд согласился примкнуть к Еврейскому национальному комитету (так стал называться Антифашистский блок, который затем был преобразован в Еврейский координационный комитет). К Еврейской боевой организации Бунд присоединился только в Варшавском гетто, в других городах отряды Бунда действовали независимо. Был создан штаб из пяти человек: коммунист **Михаил Розенфельд**, член партии Поале-Сион **Левица Герш Берлинский** (погиб позже – в 1944 во время Варшавского восстания), руководитель Халуц **Ицък Цукерман «Антек»**, член Бунда **Марек Эдельман** и руководитель Прогрессивного Бейтара **Мордехай Анелевич**. Во главе штаба был комендант (командующий). Им стал М. Анелевич. Устав ЗОБ был подписан в ночь на 2 декабря 1942. Организация фактически взяла руководство гетто в свои руки. Ее финансовый отдел собирал средства на содержание бойцов и покупку оружия: принимал добровольные пожертвования и взимал налоги с состоятельных евреев, еврейских полицейских, а также с юденрата и его

отдела снабжения. Исполнительный отдел боевой организации следил за порядком в гетто, пресекал деятельность шаяк еврейских и польских уголовников, уничтожал агентов гестапо, проводил конфискацию имущества и аресты тех, кто отказывался платить налоги. Отдел снабжения осуществлял закупки оружия на «арийской» стороне Варшавы. В гетто работали оружейные мастерские, изготавливавшие бомбы и бутылки с зажигательной смесью. **К середине апреля 1943 г. в составе ЗОБ было 22 отряда (всего от 500 до 700 человек). В т.ч. – Дрор – 5 отрядов, Бунд, Хашомер-Хацаир, ППР (коммунисты) – каждая по 4 отряда, Поале-Сион Левица, Поале-Сион Правица, и молодежные организации Акиба, Гордония, Ханоар-Хационе (молодежь партии «общих сионистов») – каждые по 1 отряду.** На каждого бойца приходился один револьвер, пять гранат и пять бутылок с зажигательной смесью, на каждом участке обороны имелось три винтовки. Повстанцы располагали минами и несколькими автоматами. Сразу же после начала восстания командование ГЛ выделило повстанцам в гетто 25 винтовок с патронами – большую часть своего варшавского арсенала. Положение еврейских бойцов осложнялось существованием в Варшаве трех гетто, изолированных друг от друга (см. схему гетто). **Девять отрядов под командованием Израэля Канала (1920–1943) находились в центральном гетто; восемь, под командованием Эли'эзера Геллера (1918–1943) – в гетто на территории заводов Теббенса-Шульца; пять, под командованием Марека Эдельмана (родился в 1922 г.) – в гетто в районе щеточных мастерских.** Каждый отряд располагался на своей базе в состоянии полной боевой готовности. Были оборудованы боевые позиции, большое количество бункеров для всего населения гетто с запасом воды и продовольствия, разработаны пути отступления через чердаки и подвалы.

19 апреля немцы начали наступление на центральное гетто. Первый бой произошел на Уммшлагплац, куда немцы согнали несколько сотен евреев для депортации их в концлагерь. В центральном гетто, несмотря на использование немцами танков и артиллерии, атаки в этот день были отбиты, немцы понесли большие потери (в том числе несколько сгоревших танков) и бежали из гетто. 20 апреля они атаковали гетто на территории щеточных мастерских. Повстанцы взорвали мину под воротами в гетто; немцы, потеряв несколько десятков человек убитыми, отступили, но в скором времени возобновили наступление, стремясь захватить центр, здание гетто, которое оборонял отряд **Ханоха Гутмана (1921–1943)**. После того, как остальные отряды зашли немцам в тыл, те были вынуждены отступить. В дальнейшем немцы, использовав артиллерию, подождли гетто со всех сторон и заставили повстанцев отступить, но они прорвались в центральное гетто; при этом **Михаэль Клепфиш (1913–1943)** закрыл грудью амбразуру пулемета.

11/2008

Изменив тактику, немцы попытались проникнуть в гетто небольшими группами; в ответ повстанцы создали летучие отряды, устраивавшие немцам засады.

Понеся значительные потери, нацисты решили сжечь центральное гетто. Оно было подожжено сначала авиабомбами, а затем специальными группами поджигателей. Многие бойцы и обитатели гетто погибли в огне. Днем повстанцы находились в бункерах, а ночью, переодевшись в немецкую форму, устраивали засады. Постепенно немцы обнаруживали бункеры и забрасывали их газовыми шашками. 8 мая был окружен центральный бункер, все пять входов в него блокированы. Применение газов сделало положение повстанцев безнадежным. Многие еврейские бойцы, включая М. Анелевича, покончили жизнь самоубийством, и лишь немногим удалось покинуть бункер. Благодаря Армии Крайовой и тоннелю, прорытому бейтаристами из ЗЗВ, нескольким десяткам человек во главе с Цивьей Любеткин и М. Эйдельманом удалось выйти из гетто по канализационным туннелям. Они были доставлены в лес под Варшавой, где уже находились повстанцы из гетто заводов Теббенса-Шульца, покинувшие город неделей раньше. Около 80 бойцов были спрятаны в различных убежищах в Варшаве или ушли в леса к партизанам. Соппротивление повстанцев было в основном подавлено к концу мая 1943 г., но отдельные группы во главе с Зхарьяху Артштейном (1923–начало июня 1943), группа Меллона, группа «Моше-большевика», группа социалиста Берки – продолжали борьбу **все лето 1943 г.**

3. Мордехай Анелевич, (Ашомер Ацаир) – подпольная кличка Малахи 1919 – 8 мая 1943, Варшава) – официальный руководитель Восстания в Варшавском гетто. В середине 30-ых годов был членом Бейтара; работал в его секретариате. В 1937 оставил Бейтар и создал новую организацию – Прогрессивный Бейтар. Затем Анелевич сместился влево и вступил в Ха-Шомер ха-цаир. Был редактором подпольного еврейского журнала *Neged Nazarem*. С 2 декабря 1942 года возглавлял подпольную организацию – ЗОБ (Еврейскую боевую организацию). Был официальным руководителем восстания в Варшавском гетто. Отказался уходить из гетто. 8 мая, когда бункер Анелевича был окружен немцами, он и его бойцы совершили самоубийство. Награжден посмертно польскими орденами: Крестом Храбрости (1944, Армия Крайова) и Крестом Грюнвальда 3-ей степени (1945, Народное войско польское). В Варшаве на месте последних боев евреев, установлен памятник Героев гетто. В его честь названа одна из улиц города. В Израиле в его память был основан киббуц Яд Мордехай.

4. Марек Эдельман (род. 31 декабря 1922, Гомель) – польский врач, политик. Во время Второй мировой войны вступил в Бунд. В 1942 был одним из основателей ЗОБ (Еврейской боевой организации). Был участником восстания в Варшавском

гетто и после смерти Мордехая Анелевича вторым и последним руководителем этого восстания. Принял также участие в Варшавском восстании 1944. В 1976 был одним из подписантов «письма 101» против внесения поправок в Конституцию (1975). Был одним из основателей Комитета защиты рабочих (1976). Как активист Солидарности был интернирован во время военного положения. В 1989 участник переговоров «круглого стола». Написал воспоминания о восстании в гетто. Его историю описала Ханна Краль в книге «Успеть перед господом Богом». 17 апреля 1998 награжден Орденом Белого орла и в апреле 2008 года – Орденом Почётного легиона.

5. Наталья Папчинская – (1940 – 28.6.2008, С-Петербург), известная российская переводчица с польского языка.

6. Бейтар или **Бетар** – до создания Государства Израиль – молодёжная сионистская организация. В течение некоторого времени, начиная с 1948 года был связан с политическим движением «Херут», а позднее с «Ликудом». Бейтар был создан при покровительстве Владимира (Зеева) Жаботинского в 1923-м году в Риге и назван в честь героя сионистского движения первой половины 20-го века Иосифа Трумпельдора (аббревиатура от Брит Йосеф Трумпельдор). Сегодня Бейтар – идеологически правая молодёжная организация, не связанная с какими-либо политическими движениями или партиями

7. 29 октября 1942 г. боевики Элиаш Ружанский, Гровер и Эмилия Ландау (дочь погибшего к тому времени фабриканта Ландау) убили Якуба Лейкина, замещавшего раненого 20 августа 1942 Израилем Каналом начальника еврейской полиции гетто Юзефа Шериньского.

8. Юденрат – Еврейский Совет, орган местного самоуправления, созданный германскими оккупантами в Варшавском гетто. Юденраты были образованы во всех без исключения еврейских гетто. Ведал всеми вопросами регулирования и организации жизни населения в гетто. В том числе и вопросами составления списков евреев, подлежащих уничтожению в лагерях смерти – Треблинке, Майданеке и Аушвиц/Биркенау, а также формирования и отправки транспортов с евреями в указанные лагеря. 4 июня 1942 глава Юденрата А. Черняков издал приказ о запрете евреям играть и слушать нееврейскую музыку, ставить нееврейские пьесы, держать в библиотеках нееврейские книги. Также Варшавский Юденрат добился запрета на ввоз в Варшавское гетто арийских газет и книг извне. В то же время в своей деятельности Юденрат тесно сотрудничал с организациями евреев-сионистов Джойнт и ВЕС (Всемирный еврейский совет), деятельность которых на территориях всех гетто была официально разрешена гитлеровскими властями. Юденрат в Варшаве имел при себе сформированную из еврейского населения гетто многочисленную полицию – «службу порядка». С.П. была сформирована из

офицеров, унтер-офицеров, адвокатов и уголовников бывшим инспектором польской полиции в Люблине Юзефом Шериньским (крещеным евреем по фамилии до крещения Шинкман). Вооружена была С.П. дубинками, и осуществляла контроль за сохранением правопорядка, а также охрану ворот гетто (с внешней стороны охрану осуществляла, в том числе, и польская «синяя» жандармерия). Кроме того, сгоняла подлежащих отсылке в лагеря уничтожения евреев в транспорты и передавала их в руки немецкой полиции на границах гетто. Примечательно, что жалования за свою службу еврейские полицейские не получали.

9. Адам Черняков – глава Юденрата в варшавском гетто. 23 июля 1942, получив от гестаповцев приказ готовить к отправке в лагерь уничтожения Трешлинка детские дома гетто, покончил с собой, отравившись цианистым калием. Вместе с ним покончили с собой еще восемь еврейских полицейских гетто.

10. Армия Крайова – см. примечания к предыдущей части беседы в № 10 «Посева», 2008.

11. Гвардия Людова – малочисленные подпольные вооруженные формирования марионеточной, просоветской, созданной в 1942 агентами НКВД Польской рабочей партии (ППП). Предназначались, в первую очередь, для борьбы с Польским Подпольным государством (ППГ) и его вооруженными силами – Армией Крайовой. На декабрь 1942 ГЛ в Варшаве имела 13 пистолетов и 17 ручных гранат. Для сравнения – в декабре 1942 – январе 1943 Армия Крайова только передала еврейским патриотам в варшавское гетто 59 пистолетов и 50 гранат.

12. «Гросс Акцион» – «Большое выселение», «операция Рейнхард» – крупномасштабная акция по отправке в лагеря уничтожения большой группы еврейского населения Варшавского гетто. Началась 22 июля 1942 и проводилась силами украинских и германских эсэсовцев. Ежедневно в 4 ж/д составах в Трешлинку отправлялось по 6 000 обреченных на смерть евреев. Первоначально отправке подлежали нищие, заключенные, сироты, инвалиды, нетрудоспособные люди, не входящие в члены семей, не подлежащих высылке. С начала августа 1942 стали хватать и членов семей, не только сирот, но и вообще всех маленьких детей, перешли к отлову и работавших. Официально закончилась 1 сентября 1942, но с 1 по 10 сентября было отобрано и отправлено 1000 больных и часть персонала больницы гетто, а также 4 000 рабочих щеточной фабрики. В целом же в течение этих дней было отправлено еще 50 000–70 000 евреев, также расстреляна часть еврейской полиции гетто. Всего с 22.07.1942 по 2.10.1942 по данным генерала Штроопа из Варшавского гетто было вывезено 310 322 еврея. Согласно позднейшим подсчетам было – 280 000 вывезено, 10 000 убито в гетто во время акции, бежали на «арийскую сторону» 25 000, спрятались внутри гетто 25 000, получили разрешение остаться 35 633 – все, в основном, молодые люди в возрасте от 20 до 40 лет.

Почти все малолетние дети и старики были уничтожены.

13. Ицък Цукерман – Ицхак Цукерман, подпольная кличка Антек, руководитель левой молодежной организации Гехалуц-Дрор, созданной организацией Дрор, и вошедшей позже вместе с другими левыми организациями Хашомер-Хацаир, Гордония (молодежная организация сионистской Партии труда – Хитахдут), Дрор, Акиба, Союз места (преобразованный в 1942 Еврейский союз борьбы Давида Апфельбаума) в ЗОБ. Один из военных руководителей восстания в Гетто. После гибели М.Анелевича возглавил ЗОБ. Сумел спастись, выйдя из гетто по тоннелю под Мурановской улицей и канализационным тоннелем. После начала Варшавского восстания 1944. 3 августа 1944 отдал приказ оставшимся в живых 10 членам ЗОБ принять участие в восстании. После войны вместе с женой – Цивией Любеткин эмигрировал в Израиль, где считался хранителем традиции восстания в Варшавском гетто. После войны Цукерман написал книгу, ставшую на время культовой, собирал музей в своем кибуце Мордей а-Гетаот. Ц. был слишком тесно связан с европейской культурой и не сумел вписаться в израильскую общественную жизнь. В конце концов, он спился и умер от приступа белой горячки в своем кибуце.

14. Зхарьяху Арнштейн – Захария Арнштейн (1923 – начало июня 1943) член штаба ЗОБ, один из руководителей восстания в гетто. Командир одного из последних и наиболее многочисленных отрядов сопротивления нацистам, погиб в начале июня 1943 – уже после официального окончания восстания 16 мая 1943.

15. Юрген Штрооп – (до мая 1941 носил имя Йозеф, 26.09.1895 Детмольд, Липе – 06.03.1952, Варшава, Польша), СС-группенфюрер, генерал-лейтенант полиции (9.11.1943) и войск СС (01.10.1944). Участник 1-й Мировой войны, вице-фельдфебель, награжден Железным Крестом 2-го класса. 07.07.1932 вступил в НСДАП (билет № 1 292297) и СС (билет № 44 611). С 25.5.1935 командир 28-го штандарта СС (Гамбург), с 14.11.1938 командир 38-го абшнита СС (Карлсбад) (Абшнит – одно из основных подразделений в территориальной структуре СС, по численности примерно соответствовавшее армейской бригаде. Объединяло в своем составе всех членов Общих СС в данном регионе. В состав А. входило обычно 3 штандарта СС. Несколько А. составляли Оберабшнит). Одновременно в сентябре-октябре 1939 командир немецкой «самообороны» в Позене. 6.3.1940–1.11.1942 – командир 42-го абшнита СС (Гнезен, Западная Пруссия). В июне 1941 по собственной просьбе назначен командиром роты 3-го батальона 3-го полка дивизии СС «Мертвая голова». В сентябре 1941 переведен в запасный батальон дивизии СС «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер», принимавший участие в боях против партизан. В декабре 1941 переведен в ведомство

11/2008

высшего руководителя СС и полиции «Южная Россия», занимал пост инспектора полиции и СД во Львове и Сталино. В декабре 1942 начальник комендатуры СС в Кировограде и Херсоне. Февраль 1942 – март 1943 – руководитель СС и полиции Лемберга (Львов, Галиция, Украина). 19.04–16.05.1943 – командующий войсками по подавлению восстания в Варшавском гетто. Автор знаменитого отчета от 16.05.1943 Гиммлеру под названием «Варшавского гетто больше нет». С 8.9.1943 высший руководитель СС и полиции в Греции. Организатор депортации 8000 евреев из Афин в концлагеря. 9.11.1943–24.3.1945 – командир оберабшнита СС «Рейн-Вестмарк», в это же время с 11.11.1943 – высший руководитель СС и полиции «Рейн-Вестмарк» (штаб-квартира – Висбаден). После окончания войны пытался скрыться, но был арестован. 22.3.1947 американским судом в Дахау приговорен к смертной казни за расстрелы заложников в Греции, но был выдан

Польше. За массовые убийства евреев в Варшавском гетто 18.7.1951 вторично приговорен к смертной казни. Повешен в Варшаве 6.3.1952.

16. Павяк – уголовная тюрьма в Варшаве, где в годы оккупации содержались также польские патриоты и евреи. Находилась в центре «Большого гетто» (до «Грос Аксион» 1942) между улицами Дельна, Павя, Смочпа и Кармелицка (см. схему).

17. Альянты – западные союзники – США, Великобритания и Франция.

18. Объединенные Нации – так зачастую обобщенно в годы 2-й Мировой войны назывались страны-члены гитлеровской коалиции.

19. Шмуль Зигельбойм – см. примечания к предыдущей части беседы в № 10 «Посева», 2008.

20. Уммшлагплатц – привокзальная площадь за границей Варшавского гетто, откуда отправлялись транспорты с предназначенными для уничтожения в лагерях смерти евреями (см. на схеме гетто).

Василий Цветков

Отречение и неприятие

Отречение Государя Императора Николая II и акт неприятия власти Великим Князем Михаилом Александровичем – события, определившие исходные позиции политико-правового статуса Белого движения (февраль – март 1917 г.)

Отречение от Престола Государя Императора Николая Александровича Романова стало тяжелым испытанием для российской государственности. Возможно ли оценивать этот акт только с точки зрения формального права, государственной системы ценностей, или же как акт сугубо духовного, морального, нравственного порядка? Вопрос, на который до сих пор нет однозначного ответа. Между тем, от правильной оценки данного решения Государя и последовавшего за ним акта неприятия Престола Великим Князем Михаилом Александровичем во многом зависит понимание политико-правового статуса российского Белого движения, его легальности и легитимности, основ его политической программы.

В задачу статьи не входит рассмотрение и оценка действий Совета министров, высших военных и гражданских чинов в Петрограде, в Ставке и на фронте, а также полулегальных и нелегальных революционных структур в период с 23 февраля по 2 марта 1917 г. Речь идет о другом. Для понимания особенностей формирования политико-правового базиса Белого движения гораздо важнее рассмотреть юридическую ситуацию, созданную актом отречения от Престола Государя Императора и неприятием Престола Великим Князем Михаилом Александровичем.

Данная статья представляет собой один из разделов подготовленной автором монографии «Белое дело в России. От Корнилова до Дитерихса. 1917–1922 гг.».

Первые заявления о «незаконности отречения»

В период с февраля 1917 до конца 1920, начала 1921 гг. ни в прессе, ни, тем более, в официальных заявлениях каких-либо «государственных образований», возникших на территории бывшей Единой России, не поднимался вопрос о «подлинности» отречения, о его соответствии законодательству Российской Империи и его правовых последствиях. Исключением были только частные высказывания, сделанные на проходивших весной-осенью 1918 г. в Киеве монархических собраниях. Правда, на них речь шла о возможности каким-то образом «дезаурировать отречение», то есть добиться того, чтобы Государь сам отказался от принятого им решения. Отсутствие публичных, официальных заявлений о «незаконности отречения», отчасти объяснялось отрицанием идеи сохранения монархии в любой форме со стороны социалистических партий, имевших в то время значительное политическое и общественное влияние. «Демократическая, федеративная Республика» – лозунг, разделявшийся широкой социалистической коалицией. Не чуждыми данной идее оказались и кадеты, и даже немалая часть тех, кто до февраля 1917 г. заявлял о своих монархических принципах. Не подвергалась сомнению также законность последующих за ним актов о неприятии власти другими представителями Дома Романовых.

С 1920/1921 гг. отношение к отречению и его политико-правовым последствиям существенно

изменилось. Были разгромлены основные военные фронты Белого движения в России, большая часть представителей «несоциалистической общественности» и военных оказались в Зарубежье. Военные, в большинстве продолжали оставаться на позиции безусловной поддержки лозунга «непредрешения» и идеологии Белого движения, отстаивавшей традиционный в России тезис «армия – вне политики». Для представителей правых и правоцентристских кругов монархическая идея оставалась принципиальной формой выражения своей позиции, она усиливала обособленность их положения в системе политических партий и организаций Русского Зарубежья.

Публичные заявления, ставившие под сомнение как правомерность отречения, так и гибель Царской Семьи, были сделаны во время работы Съезда хозяйственного восстановления России, проходившего в баварском городе Бад-Рейхенгалль 29 мая – 5 июня 1921 г. 1 июля 1921 г. в журнале «Двуглавый орел», печатавшем отчеты о работе Съезда, был полностью опубликован доклад бывшего товарища председателя Главного совета «Союза русского народа» В.П. Соколова-Баранского. В разделе доклада «Организация Русской Государственной Власти», говорилось о нарушении правовой традиции: «...ни одним компетентным учреждением не установлен факт смерти Государя Императора Николая II, Его Сына – Наследника Цесаревича Алексея Николаевича и Брата, Великого Князя Михаила Александровича. Наоборот, в некоторой части монархических кругов есть убеждение, что они спаслись и скрываются, и что отречения их – Государя Императора Николая II, как насильственно исторгнутое и незаконное за Сына, не действительно, а Великого Князя Михаила Александровича, как условное до Учредительного Собрания – незаконно...». «Основные законы, определяющие порядок и права дальнейшего Престолонаследия, позволяют разные толкования, а, следовательно, могут привести в зависимости от этого толкования к тому или иному лицу Династии Романовых...» (1).

Данный доклад не был утвержден Съездом в качестве итогового документа, но при этом официально был провозглашен принцип «легитимизма», продекларированный как возврат к правовым нормам Основных законов Российской Империи: «единственный путь к возрождению великой, сильной и свободной России – есть восстановление в ней монархии, возглавляемой законным Государем из Дома Романовых согласно основным законам Российской Империи». Постановление декларировало возврат к Основным законам лишь в части установления общего принципа формы правления, а в остальном (организация аппарата власти, государственное устройство, земельный вопрос) Съезд остался на позициях «непредрешения», повторяя по существу установки Белого движения.

Решения рейхенгалльского Съезда продемонстрировали очевидное стремление восстановить

принцип правопреемственности, разорванной революционными событиями 1917 г. Для Белого движения разрыв правопреемственности определялся, главным образом, тремя датами: моментом принятия Престола Великим князем Михаилом Александровичем в марте 1917 г., приходом к власти большевиков в октябре 1917 г. и разгоном Учредительного Собрания. Участники Рейхенгалльского съезда признавали законным правопреемство только на уровне «дофевральском». Это означало, прежде всего, необходимость пересмотра правовых норм и правовых последствий, связанных с отречением Государя Императора. Принятое Съездом «Обращение ко всем русским» так представляло неприглядную картину отречения: «...кучка людей, не имевших ни способностей к строительству государственному, ни авторитета в народе, дерзостно протянула руки к древнему Венцу Мономахову, обманом убедив Государя, что Его отречение от Престола необходимо для блага народного. И Русский Царь, в годину тяжелой войны не желая поднимать междоусобной брани, в святой покорности воле Божией, сошел со своего Престола, предоставив народу русскому, как требовали его самозванные вожаки, самому по-новому перестроить старый родной дом русский...» (2). Поскольку Николай II своим отречением не предоставлял «народу русскому... перестроить родной дом» – налицо явное «совмещение» актов Николая II и Михаила Александровича, вероятно допущенное в пропагандистских целях.

Декларирование «легитимизма» престолонаследия должно было сопровождаться определением «имени возглавителя» государственной системы будущей Российской Империи, для чего Съезду требовалось сосредоточиться на разработке правового механизма восстановления монархии. В качестве варианта сенатором А.В. Бельдгардом предлагалось ввиду отсутствия кандидата на Престол ограничиться установлением Местоблюстителя Престола («законы не предусматривают незамещенного Престола»), который должен быть определен Государыней Императрицей Марией Феодоровной «как венчанной Царицей и Помазанницей Божией». Затем следовало создать Сенат для разрешения вопроса об «имени» «исключительно в духе Основных Законов». Отмечалась важность восстановления именно «Императорского Сената», в персональном составе, действовавшем до марта 1917 г., причем игнорировался факт, что эти «сенаторы дореволюционного времени» ранее утвердили акты Николая II и Михаила Александровича. Не «предрешая» самого «имени», Марии Феодоровне предполагалось указать на «популярность» в Зарубежье и в России, в частности среди военных, Великого Князя Николая Николаевича (3).

Резолюции Съезда вырабатывались в контексте решения вопросов о Престолоблудителе (26 июля 1922 г.) и, затем, – об Императоре Всероссийском (31 августа 1924 г.). Однако, их реализация произошла, как известно, не по рекомендации

11/2008

Вдовствующей Императрицы и не по утверждению Правительствующего Сената, а исключительно по личной инициативе Великого Князя Кирилла Владимировича, самопровозглашение которого было осуждено, как членами Дома Романовых, так и многими монархическими организациями. Основанием для самопровозглашения стала уверенность в невозможности спасения кого-либо из Семьи последнего Императора и Великого Князя Михаила Александровича, а также объявленное Кириллом Владимировичем «старшинство в Роде Царском». Однако, право «старейшего Члена Дома Романовых» по мужской линии фактически признавалось за Великим Князем Николаем Николаевичем, хотя у него и не было детей – наследников. Поведение Кирилла Владимировича во время февральской революции, когда он, еще до отречения Государя, 1 марта 1917 г., фактически первым среди Романовых заявил о своей верности Временному Комитету Государственной Думы (вместе с подчиненным ему Гвардейским Экипажем) многими осуждалось (4). Существовала и еще причина, препятствующая занятию Престола именно Кириллом Владимировичем. Его мать, Великая Княгиня Мария Павловна, была лютеранкой и перешла в православие лишь в 1908 г. (через 34 года после свадьбы). Кирилл был рожден от неправославной матери и, согласно статье 185 Основных законов Российской Империи, мог претендовать на Российский Престол лишь в случае отсутствия мужчин – наследников, рожденных от православных браков («Брак мужского лица Императорского Дома, могущего иметь право на наследование Престола, с особою другой веры совершается не иначе, как по восприятию ею православного исповедания») (5).

Тем не менее, в начале 1920-х гг. благодаря рейхенгалльским декларациям в Русском Зарубежье сложилось мнение о правомерности действий Великого Князя Кирилла Владимировича и, соответственно, незаконности актов Николая II и Великого Князя Михаила Александровича. Первым серьезным обоснованием этих двух по сути своей противоречивых тезисов стала брошюра сенатора Н. Корево «Наследование Престола по Основным Государственным законам». Написанная осенью 1921 г. и изданная в Париже в 1922 г. она нацелена была на обоснование законности действий Великого Князя Кирилла, провозгласившего себя носителем «легитимизма». К сожалению, и позднее, в период 1920-х – 1970-х гг., немалая часть мемуарной литературы, публицистики и историографии Русского Зарубежья, а затем и постсоветской России встала на точку зрения «незаконности» отречения, опираясь исключительно на аргументацию Корево. Сенатор, большую часть брошюры посвятивший обоснованию прав Кирилла Владимировича, начинал изложение тезисом о «невозможности отречения» в принципе. Вывод, сделанный сенатором выглядел политической декларацией, соответствующей провозглашенным в Зарубежье

легитимистским позициям: «...для возвращения Государства Российского к законной жизни следует вернуться на законную почву и, отринув появившиеся под насилием революции противные Основным Законам и неправильно именуемые манифестами акты и документы, восстановить законное преемство Законной Верховной Власти...» (6).

Ссылки на легальность и легитимность стали весьма популярны среди сторонников Кирилла Владимировича. Это вызвало несогласие с резолюциями Рейхенгалля, предусматривавшими определение Главы Царствующего Дома решением «старейшей» Государыни Императрицы Марии Федоровны. Оспаривая решения съезда, «кирилловцы» апеллировали исключительно к тезису о «старшинстве в роде Царском», согласно «Основным законам». При этом они утверждали как порочность «революционного правотворчества» после февраля 1917 г., так и невозможность «престарелой» Императрице решать вопрос о Блустителе Престола (7).

Одновременно с этим продолжалась «атака справа» на военные структуры, остатки Русской армии генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля, твердо отстаивавшего принципы «непредрешения». В своем письме, накануне нового, 1922-го года, председателю Высшего Монархического Совета Н.Е. Маркову 2-му Врангель отвечал, что «заветы Русской Армии», это – «освобождение Отечества, не предрешая форм его грядущего государственного бытия...» (8).

В 1921 г. в журнале «Двуглавый орел» начали публиковаться статьи резко критикующие политический курс Белого движения, ставящие под сомнение весь смысл «белой борьбы», направленные на дискредитацию позиции Врангеля и всех его предшественников в 1917-1920 гг., уравнивание Белого движения и «революционного прошлого» 1917 года. Анализируя «причины неудач белых выступлений» в Сибири, на белом Юге, в Крыму, в данных статьях подчеркивалось: «...Народ не мог поверить в прочность белого дела Врангеля, ибо не было главного условия для успеха: за генералом Врангелем не было Русского Царя», «...Февральские академики революции со своим жалким временным правительством пали потому, что пытались ввести революцию в рамки закона, пали потому, что хотели узаконить само беззаконие. Колчак и Деникин, объявившие себя преемственными продолжателями дела временного правительства (это абсолютно не соответствовало действительности – В.Ц.), также пали, не могли не пасть, ибо их дело было насковозь пропитано все тою же разлагающей керенщиной и интеллигентщиной, которые однажды уже погубили Россию...». Данные оценки стали типичны не только в эмигрантской публицистике 1920-х гг., но и перешли, совершенно не изменившись, во многие произведения последующих десятилетий. Характерно, что критика Белого движения и белых армий исходила, преимущественно, от тех, кто либо косвенно участвовал в движении, либо участвовал

кратковременно и не занимал в период 1917–1920 г. каких-либо влиятельных должностей в белых государственных структурах. Характерно и то, что одним из первых активных критиков военного руководства Белого движения (на рейхенгалльском съезде) стал генерал от инфантерии И.И. Мрозовский, отказавшийся в феврале 1917 г. «подавить бунт» в Москве, несмотря на имеющиеся полномочия (должность командующего Московским военным округом) (9).

Из этих предпосылок следовал еще один тезис, высказанный на страницах все того же «Двуглавого орла»: «Монархисты по прежнему оставались верными своему законному Императору, а изданный от Его Имени акт отречения признавали ничтожным, ибо акт исходил из неволи и не был законным манифестом Императора ...с той минуты, как не стало в России законного Царя, не стало и закона...» (10).

1. Двуглавый орел, Берлин, № 11, 1 (14) июля 1921 г. с. 19–20.

2. Двуглавый орел, Берлин, № 9, 1 (14) июня 1921 г. с. 3.

3. Гершельман А.С. Эмиграция // Верная Гвардия. М., 2008, с. 521–524.

4. Обращение Представителя Августейшего Блюстителя Престола // Русское дело, Белград, № 175, 21 сентября 1922 г.; Как погибала Россия. Письмо М.В. Родзянко по поводу обращения Великого Князя Кирилла Владимировича // Русское дело, Белград, № 192, 13 октября 1922 г.

5. ГА РФ. Ф. 5912. Оп.1. Д. 279. Лл. 10–11; Гершельман А.С. Указ. Соч. с. 575, 621, Савич Н.В. После исхода. Парижский дневник. 1921–1923 гг. М., 2008, с. 260; а также Назаров М.В. Кто наследник Российского Престола? М., 1996. Здесь и далее в настоящем разделе – ссылки на статьи Основных Государственных Законов (Собрание Узаконений, 1906 г., отд. 1, № 98), а по вопросам Престолонаследия – на Полное Собрание законов Российской Империи (Собрание Третье. № 5868, 23 марта 1889 г.

6. Корево Н. Наследование Престола по Основным Государственным законам. Париж, 1922, с. 12–15, 43.

7. Открытое письмо рядовых Русских людей, вынесших на плечах своих германскую войну и антибольшевистское движение, членам Парижского Монархического совещания. Мюнхен, 1921, с. 14, 18–19.

8. Даватц В. Годы. Очерки пятилетней борьбы, Белград, 1926, с. 54–55.

9. статьи Н. Тальберга, Н. Маркова 2-го, Г.В. Немировича-Данченко, С. Толстого-Милославского и др. в журнале Двуглавый Орел, Берлин, № 3, 1 (14) марта 1921 г.; № 9, 1 (14) июня 1921 г.; № 10, 15 (28) июня 1921 г.; № 20, 15 (28) ноября 1921 г.; № 17, 1 (14) октября 1921 г.

10. Двуглавый орел, Берлин, № 1, 14 (27) сентября 1920 г., с. 2, 4.

Правовые основы отречения. 1) Свобода решения

Начнем с того, что недопустимо считать правомерным мнение о некоей «правовой безграмотности» Государя, издающего незаконные акты и создающего прецедент нарушения законов в будущем. Нельзя также признать наличие у него некоего «плана» по нейтрализации «заговорщиков» посредством собственного отречения и проведенного «социологического опроса» командующих фронтами о готовности к вооруженному подавлению «бунта». Отречение с заведомой целью сделать его впоследствии недействительным (получается, что другого способа по борьбе с «заговором», кроме «незаконного отречения» с целью его последующей отмены не существовало) становится неким «спектаклем», правда, не сыгранным до конца. Нельзя принять мысль о «намеренном» нарушении Государем законов. Можно ли вообще говорить, что Государь «нарушает», а не «изменяет» законодательство? Сомнительность подобных тезисов, когда речь идет об акте важнейшего государственного значения, очевидна.

Рассматривая правовую основу акта отречения Государя, прежде всего, нельзя утверждать, что акт отречения есть следствие насилия, обмана и иных форм принуждения в отношении Государя. Тезис о «принуждении Государя» опровергается, в частности, текстом т.н. «прощального слова» к армии, написанного Николаем II 8 марта 1917 г. и изданного начальником штаба Верховного Главнокомандующего генерал-адъютантом М.В. Алексеевым в форме приказа № 371. В нем, в полном осознании совершенного, получают закономерное развитие основные положения акта об отречении, свидетельствуется о фактической преемственности власти от Государя к Временному правительству: «В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые мною войска. После отречения Мною за себя и за сына Моего от Престола Российского власть передана Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия... Кто думает теперь о мире, кто желает его, тот – изменник Отечества, его предатель... Исполняйте же ваш долг, защищайте доблестно нашу великую Родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайте ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу...» (1).

Ни дневниковые записи Государя, ни свидетельства тех, кто находился рядом с ним в эти дни или вел переговоры по телеграфу, не содержат фактов насилия. «Уместно самым категорическим образом отвергнуть и опровергнуть все слухи о том, что командированными лицами производились какие-то насильственные действия, произносились угрозы, с целью побуждения Императора Николая II к отречению» – вспоминал председатель IV Государственной Думы М.В. Родзянко (2).

Конечно, следуя логике «заговора» против Николая II (в задачу статьи не входит рассмотрение и нравственная или правовая оценка действий высших военных и гражданских чинов, депутатов Государственной Думы, сенаторов и министров в дни февральской революции в Петрограде), можно предположить, что насилие было бы применено к Государю в случае его категорического отказа от отречения (3). Но добровольное решение Николая Александровича отречься от Престола исключило возможность принуждения.

Таким образом, акт отречения следует признать выражением свободной воли Государя. Напомним еще раз слова этого великого и трагического акта: «...В эти решительные дни в жизни России, почли МЫ долгом совести облегчить народу НАШЕМУ тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думою признали МЫ за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с СЕБЯ Верховную власть. Не желая расстаться с любимым Сыном НАШИМ, МЫ передаем наследие НАШЕ Брату НАШЕМУ Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляем ЕГО на вступление на Престол Государства Российского. Заповедуем Брату НАШЕМУ править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего долга перед ним, повинованием Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ЕМУ, – вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и силы. Да поможет Господь Бог России...».

1. Мельгунов С.П. Судьба Императора Николая II после отречения. Париж, 1951, с. 39-40.

2. Родзянко М.В. Государственная Дума и февральская революция // Архив русской революции, Берлин, 1922, т. VI, с. 61; см. также опубликованные свидетельства: сборник – Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Л., 1927, а также Савич С.С. Отречение от Престола Николая II // Отечество, Архангельск, 10 января 1919 г.; 11 января 1919 г.; 12 января 1919 г.; Демидов И. Три революционера // Дни, Берлин, № 219, 21 июля 1923 г.

3. Из воспоминаний А.И. Гучкова. Заговор // Последние новости, Париж, № 5647, 9 сентября 1936 г.; № 5651, 13 сентября 1936 г.

Правовые основы отречения. 2) Отречение в духовно-нравственном и в политико-правовом контекстах. Их несовместимость

Другими аргументами «недействительности» отречения выдвигались: невозможность отречения в системе российского государственного права, а

также невозможность отречения за другого члена Дома Романовых (тем самым оспаривался факт отречения Николая II за Наследника Престола, Великого Князя Алексея Николаевича). Для подтверждения данного тезиса Корево давал свое толкование текста Свода Основных законов. Его основной аргумент – прецептивный характер законов о наследии Престола. Этот особый характер, по убеждению сенатора, подтверждала статья 39: «Император или Императрица, Престол наследующие, при вступлении на оный и миропомазании, обязуются свято наблюдать... законы о наследии Престола». Корево делал вывод о невозможности изменения данных законов в силу того Высшего Закона, соблюдения особой Божественной благодати, которая давалась русским Царям и Царицам при вступлении на Престол и при совершении Помазания на Царство, Венчания на Царство. От Царской семьи требовалось клятвенное соблюдение всех законов, и, нарочито, правил о Престолонаследовании.

В российской правовой системе, в отличие от конституционных норм многих других государств, сочетались традиции Православной государственности и нормы государственного права. Юридические и нравственные принципы совмещались, в частности, в соблюдении обета даваемого при Помазании на Царство. Отречение от Престола Государя и, тем более, отречение за Наследника, по мнению Корево, становилось, прежде всего, нарушением обета о неизменности законов о Престолонаследии. «С религиозной точки зрения отречение Монарха – Помазанника Божия – является противоречащим акту Священного Его Коронавания и Миропомазания; оно возможно было бы лишь путем пострига...» (1).

На самом деле, существо законов не искажалась Государем ни в правовом, ни в нравственном, ни в «прецептивном» отношениях. Отречение от Престола, как правовой акт, предусматривалось статьей 37-й Свода Основных Законов: «При действии правил... о порядке наследия Престола, лицу, имеющему на оный право, предоставляется свобода отречься от сего права в таких обстоятельствах, когда за сим не предстоит никакого затруднения в дальнейшем наследовании Престола». Статья 38-я подтверждала: «Отречение таковое, когда оно будет обнаружено и обращено в закон, признается потом уже невозвратным». Толкование этих двух статей до 1917 и 1921 гг., не вызывало сомнений. В курсе государственного права, написанном профессором П. Коркуновым, отмечалось: «Может ли уже вступивший на Престол отречься от него? Так как Царствующий Государь, несомненно, имеет право на Престол, а закон предоставляет всем, имеющим право на Престол, и право отречения, то надо отвечать на это утвердительно...» (2).

Ссылки на отсутствие права отречения в акте Императора Павла I, (5 апреля 1797 г.), установившего порядок Престолонаследия в Доме Романовых, несостоятельны по той причине, что данный

акт предусматривал только порядок наследования в его роде. При этом акт Павла I предусматривал отречение наследников от чужого Престола для занятия Престола Российского. То есть отречение не исключалось, а просто не предусматривалось в данном, конкретном акте.

Неразрешимых «затруднений в дальнейшем наследовании Престола» отречение Государя не должно было создать, поскольку Великий Князь Михаил Александрович считался Наследником Престола еще до момента рождения цесаревича Алексея Николаевича. Наследники Михаила должны были продолжить династию в случае оставления им Престола. На момент составления и подписания акта об отречении Государь не мог знать о намерениях своего младшего брата в отношении Престола.

Отказываясь от безоговорочного понимания «прецептивного характера» законодательства «О порядке наследия Престола», Корево признавал, что «свобода отречения предоставляется данному Члену Императорского Дома лишь лично за себя, без предоставления Ему права отречься за наследников своих» (3). Действительно, мировая история не знает фактов произвольного отречения одних членов Царствующего Дома за других, если только эти действия не имели насильственного характера по отношению к тем, кого лишали прав престолонаследия, не вызывались утратой ими дееспособности, или не диктовались соображениями государственной безопасности.

1. Корево Н. Указ. Соч. с. 28.
2. Коркунов П. Государственное право, СПб., 1904. т.1. с. 230.
3. Корево Н. Указ. Соч. с. 30.

КНИГИ И ЛЮДИ

Борис Соколов

Сладко-кровавая русская утопия

В.Г. Сорокин. День опричника: Роман. М.: Захаров, 2006;
он же. Сахарный Кремль: Роман. — М.: АСТ-Астрель, 2008.

Два последних романа Владимира Сорокина, составляющую законченную диологию о России недалекого будущего, заставили говорить о нем не только как о блестящем стилисте и самом видном представителе постмодернизма в России, но и как о самом выдающемся современном русском сатирике. В 1930 году Михаил Булгаков в знаменитом

письме правительству писал, что он остался единственным подлинным сатириком в СССР, т. е. сатириком, «проникающим в запретные зоны». Про Сорокина можно сказать, что он сейчас – единственный настоящий сатирик в России, который не боится цензуры, не боится затрагивать своей сатирой первых лиц государства и проводимый ими политический курс. Судьба Сорокина более счастлива, чем судьба Булгакова в том смысле, что если Михаил Афанасьевич с конца 20-х годов из-за жесточайшей цензуры не увидел опубликованным ни одного своего произведения, то Владимира Георгиевича сегодня печатают, и весьма охотно. Это потому, что цензура, начав с телевидения, а теперь дойдя и до газет, пока еще не добралась до сферы книгоиздания. Если это произойдет, то произведения Сорокина, вероятно, будут доступны только в Интернете. Недаром ту роль, которую играет Сорокин

в общественной жизни сегодня, уже сравнивают с той ролью, которую играл Солженицын в 60-70-е годы XX столетия. Пока же и «День опричника», и «Сахарный Кремль» сразу после выхода стали настоящими бестселлерами. И нашли своих внимательных читателей не только среди профессиональных филологов и литературных критиков, но

и на самом вершине. Вскоре после публикации «Дня опричника» на одной международной книжной ярмарке один из высокопоставленных чиновников кремлевской администрации радостно сказал писателю: «Молодец! Как здорово ты все написал! Мы в Кремле читали про опричника с удовольствием и поражались: как точно ты все описал!» На этот роман, который сам Сорокин иногда называл повестью, последовала реакция и с совершенно неожиданной стороны – со стороны новосозданного в России опричного братства (во время работы над книгой Сорокин о его существовании даже не подозревал). Новые опричники восприняли «День опричника» не как сатиру или аллегорию, а как руководство к действию: мол, Сорокин исправился и теперь все правильно написал – вот так и надо поступать с врагами государевыми, мочить их без суда и следствия...

Какой же изобразил писатель русскую утопию? Еще в либретто оперы «Дети Розенталя» Сорокин перенес действие в фантастическое будущее на излете Серой смуты демократии. Новая диалогия повествует о том, какой стала Россия после ликвидации Серой смуты героическими усилиями государя и его верных опричников. В «Дне опричника» действие происходит в 2027 году, ровно через 110 лет после Октябрьской революции, 21 год спустя после написания романа, через 462 года после учреждения опричнины царем Иоанном Грозным и через 455 лет после ее официальной отмены. Но, по книге Сорокина, опричнина на Руси на самом деле никогда не умирала. Оно – коренное, неотъемлемое свойство русской души и русской жизни. Народу и боярам всегда требуется добрый государь, который все ведает, все знает, без которого ни одно дело не делается. И чтобы при царе были верные опричники, которые бы сразу же, без всякого суда и следствия, беспощадно карали врагов государевых, лихих дьяков и прочих злодеев. А остальных, верноподанных, могли бы иной раз отечески сечь, за мелкие грешки. Розга, как известно, ум вострит. Вот только, не дай Бог, опричники придут к тебе не с розгами, а с острыми саблями и веревкой, чтобы зарубить тебя на месте или вздернуть на собственных воротах. Вот этого не надо!

Секут, кстати сказать, у Сорокина почти всех. Секут хулиганов и матерщинников. Секут подъячих за то, что напутали в бумагах. Секут крестьян и интеллигенцию, студентов и гимназисток. Мужья, руководствуясь «Домостроем», секут жен или ведут их в участок, где их секут уже мастера своего дела. Секут эзков за невыполнение норм на строительстве Великой Русской стены (глава «Харчевание» «Сахарного Кремля», прекрасная пародия на «Один день Ивана Денисовича»). Не секут только опричников. Их и не будут сечь – сразу убьют.

И вот, по крайней мере, на бумаге, свершилось воплощение народной мечты! По Москве 2027 года вновь разбегаются опричники, только не на борзых конях, а на красных «меринах», по спецзаказу в Китае произведенных, и с непременными метлами и собачьими головами на бамперах. Вместо сабель у них таинственные лучестрелы – самое современное оружие XXI века. А вешают на воротах провинившихся бояр, насилуют боярских жен и красного петуха в усадьбы опальных земских пускают по старинке, совсем как в XVI веке. Новые опричники и на фондовых биржах играют, и алмазами в Амстердаме торгуют, и свой процент с растаможенных грузов берут, и всюду норвят либо свой кусок государственного пирога урвать, либо взятку покрупнее получить от тех, кто рассчитывает откупиться от преследования или с помощью опричных провернуть выгодную сделку. Вот почему кремлевскому чиновнику «День опричника» родным показался.

Говорят в новоопричной утопии на новом языке – смеси древнерусского и новомосковского жаргона (из последнего, например, слово «стрематься»).

Древнерусские слова часто употребляются не вполне грамматически правильно и не всегда с тем же значением, что и в XVI веке. Но вряд ли это ошибка писателя, который, в общем-то, и не обязан быть специалистом по древнерусской филологии. Просто Сорокин хотел показать, как власть стремится сочетать давнюю историческую традицию с новейшей реальностью, стремится показать свою русскость всюду, в том числе и в языке. Поэтому компьютер, например, переименовали в «умную машину». Вполне созвучно современным попыткам перевести на кириллицу домены российского Интернета. Точно так же в сегодняшней России пытаются совместить традиции Петра Великого и Ивана Грозного, а заодно и эффективного менеджера Сталина с новейшими американскими технологиями и отдыхом в Куршавеле. Путин ведь только для реакционных олигархов да их приспешников был грозен!

В диалогии Сорокина язык играет важнейшую роль. Когда герои говорят о своей любви к государю и государству, когда хотят сказать нечто весьма патриотическое и душеспасительное, то в ход сразу же идет архаическая лексика. Зато когда речь заходит о делах практических, о том, как сорвать куш или свести концы с концами, то на первый план выходит современный жаргон. При всем при том придуманный Сорокиным великолепно стилизованный новодревнерусский язык оказывается вполне органичным, и на нем оказывается возможным писать и разговаривать понятно для окружающих. Более того, этот язык прямо-таки завораживает, захватывает, и на нем действительно хочется говорить и писать, что уже было продемонстрировано в некоторых опубликованных рецензиях.

На Руси 2027 года используют новейшие достижения науки и техники, вроде голографии, клонирования, компьютерных технологий, причем все это удается облечь во вполне феодальные формы. Возрождаются и прежние податные группы средневековой Руси. На страницах диалогии мелькают «холопы», «тягловые», «захребетники». И технический прогресс наряду с абсолютной политической стабильностью совсем не гарантируют ликвидацию бедности. Скорее наоборот, такое сочетание, памятуя о методах, которыми стабильность достигается, бедность только плодит. Жирует только элита, приближенная к государю, погрязшая в роскоши, разврате, пьянстве, наркотиках, садистских играх, и использующая достижения научно-технического прогресса исключительно для достижения удовольствия. Основная же масса населения стремительно возвращается к советскому равенству в нищете и всеобщему дефициту, о чем свидетельствует хотя бы стандартный ассортимент продовольственного ларька в Москве: «Стандартный набор продуктового ларька: сигареты “Родина” и “Россия”, водка “Ржаная” и “Пшеничная”, хлеб черный и белый, конфеты “Мишка косолапый” и “Мишка на Севере”, повидло яблочное и сливовое, масло

коровье и постное, мясо с костями и без, молоко цельное и топленое, яйцо куриное и перепелиное, колбаса вареная и копченая, компот вишневый и грушевый, и, наконец – сыр «Российский».

Хороша была идея отца государева, упокойного Николая Платоновича по ликвидации всех иноземных супермаркетов и замены их на стандартные ларьки. И чтобы в каждом ларьке – по две вещи, для выбора народного. Мудро это и глубоко. Ибо народ наш, богоносец, выбирать из двух должен, а не из трех и не из тридцати трех. Выбирая из двух, народ покой душевный обретает, уверенностью в завтрашнем дне напитывается, лишней суеты беспокойной избегает, а, следовательно – *удовлетворяется*. А с таким народом, *удовлетворенным*, великие дела сотворить можно.

Все хорошо в ларьке, токмо одного понять не в силах голова моя – отчего всех продуктов по паре, как на Ноевом ковчеге, а сыр – один, «Российский»? Логика моя здесь бессильна. Ну, да не нашего ума это дело, а государева. Государю из Кремля народ виднее, обозримей. Это мы тут ползаем, как воши, суетимся, верных путей не ведая. А государь все видит, все слышит. И знает – кому и что надобно.

При этом бедные как раз и любят всей душой государя и его опричников, тогда как земские бояре их тайно ненавидят. Эта любовь в главе «Письмо» переходит в становящийся все более бессмысленным поток сознания героини, потрясенной видом белокаменного Кремля и его сахарной копии, а также нарастающей вины за то, что сахарные башни и стены приходится растворять в чае. Это напоминает финал романа «Тридцатая любовь Марины», где героиня-лесбиянка, уверовавшая в истину партийных лозунгов, не только возвращается к нормальному сексу, но и начинает мыслить так, что поток ее сознания плавно перетекает в передовицы «Правды».

В «Дне опричника» был монолог видного представителя опричной элиты, укладывающийся в классическое единство одного дня. Он заставлял вспомнить «Один день Ивана Денисовича» Александра Солженицына, «День Петра» Алексея Николаевича Толстого, а также «Князя Серебряного» Алексея Константиновича Толстого. Под влиянием последнего романа развился взгляд Сорокина на опричнину как на болезнь русской души. В «Сахарном Кремле» мы слышим многоголосие самых разных жителей русской утопии – от опричников и вельмож до нищих и эков. Действие «Сахарного Кремля», который, в отличие от монологического «Дня опричника», – роман в новеллах, представляющий на суд людское многоголосие новоопричной Руси, происходит в следующем, 2028 году. Опричное благополучие 2027 года стремительно разрушается. В стране закончился газ, иссякает нефть, топить многоэтажки приходится дровами, прямо как во времена Ивана Грозного. Нищие, бездомные, безработные заполняют города. Пустеют поля. Ту роль, которую в конце 80-х – начале 90-х годов

XX века играли благодаря телеэкрану Кашшировский, Чумак и другие психотерапевты, теперь перешла к кликушам-юродивым, а медиков заменили и знахари. Последние пользуются в новоопричной Руси таким же уважением, каким в советские времена пользовались работники торговли. Если в «Дне опричника» реальность была увидена глазами элиты и, прежде всего не самого злого из опричников Андрея Комяги, то в «Сахарном Кремле» гораздо обильнее представлены люди из низших сословий или вообще деклассированные элементы. Не за горами бессмысленный и беспощадный русский бунт, плавно перетекающий в революцию. Хотя Тайный приказ продолжает работать исправно (глава «Кочерга»), отлавливая диссидентов и раскрывая очередной заговор против государства. Его составили члены «мистической антирусской секты “Яросвет”», которые «нарисовав на белой корове карту России, они совершили некий магический ритуал, расчленили животное и стали развозить куски коровьего тела по отдаленным областям государства российского и скармливать иностранцам». Еще одна вариация на тему «Распилить и продать». Недаром в «Дне опричника» фигурировал фильм «Распилить и продать», явная пародия на эйзенштейновского «Ивана Грозного». Там заговорщики собираются по частям продать Россию иностранным державам. И пытаются в Тайном приказе на самом высоком технологическом уровне – куда там Ежову и Берии! пытка теперь становится не телесной, а мыслительной, а пыточный набор ласково называют «несмеяной». Подследственному внушают, что он превратился то ли в стекло, то ли в лед, то ли в сахар, и если он немедленно не сознается и не назовет сообщников, то от него начнут откалывать по кусочку. И еще Сорокин, памятуя, как собратья по перу призывали его соответствовать в реальной жизни текстам собственных произведений, заставляет следователя клеймить раскаленной кочергой писателя-диссидента, написавшего сказку о кочерге, ставшей пыточным орудием в Тайном приказе – чтобы соответствовал, гад, написанному.

Сорокин рисует нам и новых диссидентов, в основном из числа пострадавшей от опричнины новой знати (глава «Underground»). Они очень напоминают опричников. Последние под влиянием наркотиков испытывают коллективную галлюцинацию – превращаются в семиглавого огнедышащего змея, испепеляющего ненавистную Америку. Диссиденты же, тоже под влиянием наркотиков, испытывают – аналогичную галлюцинацию. Они превращаются в огромных собак, рвущих на части государя и его семью.

Кремль в новоопричной Руси из красного стал белокаменным, с двуглавыми орлами, можно сказать, сахарным. И именно сахарный кремль, в виде огромного леденца, который на праздник государь дарит всем детям России и который потом торжественно сосут всей семьей, становится единственным объединяющим началом в опричной России.

11/2008

В ранней сорокинской «Норме» в качестве объединяющего начала в совке выступал куда менее аппетитный продукт, которым в изобилии кормила граждан Советская власть. Сахарный Кремль превращается не только в заменитель так и не появившейся в России национальной идеи, но и в некий знак лояльности власти. Но по своей сути он не отличается от советского дерьма. Приторный старорусско-православный дубок, пусть и нашпигованный суперсовременными технологиями, ничего прочного родить не может. Нынешняя власть предпочитает кормить народ сладким и вроде бы приятным на вкус, а не тошнотворной идеологией. Однако сахарный Кремль не насыщает, а только на короткое время создает ощущение сытости, как и вся *та* слащавая пропаганда, которая сейчас обрушивается на аудиторию с экранов телевизоров. Ему все равно предстоит раствориться в чашке горячего китайского чая. И столь же эфемерна вся конструкция опричной Руси, которой, как дает понять писатель, в конце концов, пусть, может быть, и не на нашем веку, суждено исчезнуть без остатка, раствориться в бездне времени.

В условиях наступившего кризиса Русь новоопричная все быстрее скатывается к Руси Советской, когда в магазинах – хоть шаром покати. И хозяйство становится все более натуральным для основной массы населения, когда каждый думает только о том, чтобы выжить. Поэтому вполне естественным выглядит то, что в отдельных главах «Сахарного Кремля» Сорокин пародирует многие свои вещи, написанные еще в советский период. Например, глава «Очередь» прямо отсылает к знаменитому одноименному роману. Только теперь действие перенесено из Москвы в Пермь (кстати, это – единственная немосковская глава «Сахарного Кремля»). Герои постарели лет на двадцать и заговорили языком чеховских персонажей конца XIX века, но с обильным прибавлением церковной лексики. А стоят они в очереди в живородящих шубах, в последнем достижении новейших клонотехнологий. Предметом же вожделений очереди является... бой сахарного кремля, не более двух упаковок в одни руки, стены и башни отдельно. Или вот глава «На заводе», заставляющая вспомнить и финал «Тридцатой любви Марины», и пьесу «Доверие», и рассказы «Заседание завкома» и «Вызов к директору» из сборника «Первый субботник». Что характерно, язык рабочих в «Сахарном Кремле» архаизирован в наименьшей степени, их язык и быт остались теми же, что и в советские годы. Возвышенные архаизмы появляются в их речи только тогда, когда после обыденного секса мастера с работницей речь заходит о том, что завод производит, – о сахарных кремлях: «Сей сахар токмо при определенной температуре льется, а потом враз застывает... Из-за зубчика единого весь Кремль терять.

Кремль он целокупен быть должен... Как почему? Государево дело, садовая голова! Чтобы ни единой трещинки, ни единой шербины. Ни единого порока. Ясно?»

А вот еще глава «Хлюпино», заставляющая вспомнить об одном из лучших рассказов «Первого субботника» – «Санькина любовь». Писатель как бы воскресил героиню прежнего рассказа. Перед нами – русская крестьянка Саша, жизнь которой по существу не слишком переменялась с XVI века. Хотя доят коров с помощью новейшей автоматической системы «Ромашка», скот зимой приходится, как и в старину, держать в избе. В то же время Саша, пожалуй, – самый симпатичный персонаж дилогии. И едва ли не единственный, который не говорит на новодревнерусском. Здесь – не только пародия на «деревенскую прозу». Здесь – вера Сорокина в силу русской женщины, которая любую опричнину вынесет, благодаря которой и Россия и русский народ сохранятся.

И Саша же демонстрирует нам истинное народное отношение к власти: «Саша стянула с гвоздя разрезанную на четвертушки газету “Русь”, поднесла к лицу, прочитала обрывок заголовка: “...ДЕНИЕ ВЕЛИКИХ ИТОГОВ”. Под заголовком было лицо министра Недр с аккуратной бородкой. Газета печаталась в уезде, все картинки не были *живыми*, как в такой же газете, но отпечатанной в столице.

Помочившись, Саша промокнула промежность бумажкой с министром, кинула ее вниз, встала, подтянула трусы с рейтузами, вышла из нужника».

Государь в белокаменном Кремле как будто сидит крепко. И внешнеполитическое положение новой Российской империи кажется устойчивым. Европейские киберпанки, сосущие российский газ и нефть, государю не страшны. С китайским императором русский государь дружит. Но все равно от всего мира Россия отгородилась Великой Русской стеной. После вторжения российских войск в Грузию и признания Москвой независимости Абхазии и Южной Осетии первые камни в основание Великой Русской Стены уже положены. Поэтому особенно актуально звучит фаза из главы «Очередь» о том, что у героя «отец в Абхазии погиб, от грузинской пули, еще, когда я мальчиком был. А мама уехала с китайцем». Однако китайцы у Сорокина через стену спокойно перебираются, и вся Сибирь заселена уже преимущественно ими, а в русской культуре китайское влияние давно уже вытеснило американское. Писатель предупреждает, что отказ от ориентации на общеевропейскую традицию закономерно приведет к ее замене на традицию великого южного соседа. Об этом было внятно заявлено еще в нашумевшем «Голубом сале». Но в таком влиянии самом по себе Сорокин вреда не видит. Пусть будет хоть китайское влияние, оно в принципе не хуже американского. Да и китайцев писатель изображает с юмором и симпатией. Беда в другом. Если государство будет творить беззакония, если оно будет систематически давить своих граждан, то России не помогут ни китайцы, ни американцы.

Несколько глав «Сахарного Кремля» посвящены людям искусства, вынужденных служить власти,

когда горячо любимой, а когда и люто ненавидимой. Перед нами проходит как бы изнанка больших кремлевских концертов и грандиозных блокбастеров, русского, идеологически выдержанного шпионского детектива. Что характерно, водку одному из них, мучающемуся оттого, что приходится служить горячо ненавидимой власти, подает робот – мастер на все руки. Вот только делают роботов и прочую чудо-технику, а также ветчину, хлеб, рис и прочую еду в Китае, ибо Россия давно уже ничего не производит, кроме энергоносителей да сигарет «Родина» и папирос «Россия», но и те – из чужого табака. Заливающего горе водкой артиста зовут «лилипут Петр Самуилович Борейко, служащий скоморохом в Кремлевской Потешной Палате» – чем не коллективный портрет современных телевизионных сатириков, дружащих с властью. Ясно, что такие «разрешенные» сатирики ни в какие «запретные зоны» никогда проникать не будут. Вообще в дилогии Сорокина многие персонажи из числа деятелей литературы, кино и телевидения, особенно в главе «Кабак», имеют вполне прозрачных прототипов. Вот только один хорошо узнаваемый пример: «В зломном углу, где сидит местная земщина, *подкопченная* опричниками, крутится семейство балалаечников Мухалко. Шустрые это ребята, оборотистые, веселить и деньгу выжимать умеют. Говорят, когда-то в шутах кремлевских ходили, но потом их за что-то оттуда *опендалили*. Запевала у них, по кличке Масляный Ус, хорошо и поет, и играет, и вприсядку ходит, но главное – у него всегда песни душевнее и глаза на мокром месте. А народ наш и песню, и слезу уважает». Вот среди персонажей-политиков узнаваемых прототипов почти нет. Предводитель опричников Батя, разумеется, заставляет вспомнить о Малюте Скуратове, которому и посвящен «День опричника». А государь – это не только Иван Грозный или Владимир Путин, но и целый ряд правителей за тысячелетнюю российскую историю. Разве что граф Андрей Владимирович Урусов («зять государев, профессор судейского права, действительный академик Российской академии наук, почетный председатель Умной палаты, председатель Всероссийского конного общества, председатель общества содействия воздухоплаванию, председатель общества русского кулачного боя, товарищ председателя Восточного казначейства, владелец Южного порта, владелец Измайловского и Донского рынков, владелец строительного товарищества «Московский подрядчик», владелец предприятия «Московский кирпич», совладелец Западной железной дороги»), может быть, свои многочисленными бизнес-титулами напоминает столичного мэра. А его смерть от ножей опричников заставляет вспомнить как «мочили» Юрия Михайловича в думскую кампанию 1999 года.

В финале «Сахарного Кремля» (глава «Опала») опричный порядок начинает рушиться. И вместе с ним гибнет и Комяга. Его убирает как ненужного свидетеля и просто лишнего во власти человека новый претендент на престол, опальный князь Кирилл Курасов, готовящийся встретить государя и его

приближенных, собирающихся прибыть к нему с шапкой Мономаха и просить венчаться на царство, залпами скорострельных пушек. Здесь вспоминается легенда о маршале Буденном, который будто бы держал на даче два пулемета – на случай, если люди Ежова придут его арестовывать. Несомненно, князь Кубасов не верит государю, подозревая, что тот, как и грозный основоположник опричнины, притворно отрекается от царства, чтобы получить возможность выявить и казнить своих потенциальных врагов. Можно предполагать, что Кубасов возглавит грядущий бунт или революцию, уничтожит государя и опричнину, но никаких принципиальных изменений в устройстве российской власти все равно не произойдет. Ведь начинает свой путь к трону новый претендент с убийства своего друга Комяги, совершенного вполне в опричном стиле и очень напоминающего убийство графа Урусова в финале «Дня опричника», а затем расстреливает и сахарный Кремль: «Кубасов поднес палец к большому, узкогубому рту:

– Тсс... Сейчас.

Подошел на цыпочках к столу, выдвинул ящик, вынул большой черный маузер, взвел курок, быстро прицелился в лоб Комяги и выстрелил. Мозг Комяги сильно брызнул из затылка на ковер. Комяга отшатнулся назад и рухнул навзничь. Охранники и стрелки у пушек не пошевелились.

Кубасов посмотрел на лежащего на ковре Комягу. Подобрал с зеркала стреляную гильзу, повертел в пухлых пальцах, понюхал. Поставил на зеркало. Глаза его остановились на сахарном Кремле, стоящим в углу на невысокой мраморной колонне. Он выстрелил по Кремлю. От Кремля полетели сахарные куски...

– Не прелагай пределов вечных, – произнес Кубасов и тихо, радостно засмеялся.

Друга Кубасов убивает с нескрываемой радостью, да еще обосновывает убийство цитатой из «Притчей Соломоновых» (22, 38) (она немного изменена, очевидно, для сохранения ритма). Можно не сомневаться, что и при новом государе опричнина возродится, пусть и под другим именем. И замену сахарному Кремлю как символу веры найдут, хоть и не такую приторную. В общем, дурная бесконечность истории российской продолжится.

«День опричника» и «Сахарный Кремль» составляют несомненное единство и очень удачно дополняют друг друга, рисуя поистине эпическую картину сладко-кровавой русской утопии. Надеюсь, что когда-нибудь оба этих романа выйдут под одной обложкой.

Сорокин предупреждает: когда государство становится деспотическим, когда оно может обеспечивать стабильность общества только за счет экспорта энергоносителей, на доходы от которого закупает китайский ширпотреб, когда в стране подавляется все и вся, когда всеобщим становится контроль государства над жизнью подданных, это не может не кончиться крахом. Услышат ли его?

Валерий Сендеров
Кто Вы, писатель Сорокин?

Антиутопия – и утопия, апологетика будущего. Кажется, несовместимые, диаметрально противоположные литературные жанры. Кто назовёт утопистом Джонатана Свифта – или сатириком, скажем, Томаса Мора? Возьмём, однако, более близкие к нам времена. Джордж Орвелл... Сатирик, конечно, вопросов нет. Но писал он издалека, изображаемое было всё-таки абстракцией для этого автора – при всей гениальной интуиции его. Евгений Змятин? Он писал в самом начале, застав внутри страны лишь первые ростки Великого Эксперимента.

Реализация Эксперимента перемешала все понятия. Как нравственные, так и литературные – и с Андреем Платоновым дело обстоит уже сложнее. В вегетарианские 60-е «Котлован» уже читался многими как жуткая сатира. Но великий писатель, единственным своим достойным читателем полагавший товарища Сталина (А. Платонов, Технический роман. – Приложение. – М. 1991. – С. 36), *все-рвёз* изобразил в «Котловане» идеал. Высвечивается крамольное «несмотря на...»; но никак не больше. Автор искренне верит в убогие слова, которые как жалкие птицы талдычат его несчастные герои. Это *его* светлое будущее: Платонов принимает входной билет в рай, построенный на костях убиенного кулацкого ребёнка.

Но какое отношение имеет это всё к нашей теме? Не хотим ли мы часом сказать, что автор «Дня опричника», Владимир Сорокин, *прославляет* избражённую им версию будущего нашей страны?

Не совсем так. Но не будем спешить.

Положим перед собой другую книгу.

Михаил Зиновьевич Юрьев, гендиректор производственного объединения «Интерпром», – человек серьёзный. Не работают легкокрылые сатирики на таких должностях. В 90-е был он, помимо основных своих дел, зампреда Госдумы второго созыва. Там всё было, как помнится, достаточно смешно. Но не потому, наверное, что председатель с замами так уж сильно этого хотели. Ныне Михаил Зиновьевич, один из ведущих публицистов «новой правой», создал основательный, капитальный труд. «Третий Рим. Утопия» называется. Считать, что наш автор со святым понятием Третьего Рима шуткует, – значит плюнуть в сумеречно-серьёзную юрьевскую душу. И тиснул он объёмистый отрывок из произведения в пропагандистской книге «Крепость “Россия”». Михаил Леонтьев с Александром Невзоровым редакторы. Тоже не юмористы.

Перенесёмся, вместе с Михаилом Юрьевым, в 2053 год. Конфигурация мира давно изменилась, она близка к орвелловской: мир делится на Российскую Империю, противостоящую ей Американскую Конфедерацию и Индийскую Федерацию – колеблющуюся и неопределённую. Наша «угодная Богу Православная Третья Империя» (храбрый

Юрьев не боится, как видим, сомнительных ассоциаций) возникла на месте Второй, Красной, в 2020 году. Между Красной и Православной пролёг мрачный период демократической деградации. Но теперь он успешно преодолен: Конституция Гавриила Великого (2013 год) ввела разноправие, всё население разделено на сословия. «В Российской Империи три сословия: первое, называемое духовным сословием, или духовенством; второе, называемое служилым сословием, или опричниками; и третье, называемое податным сословием, или земцами, в просторечии – просто народом». Если говорить точно, перед нами не совсем сословия: феодальная иерархия прошлого меркнет перед неороссийской.

«Опричники и народ – это практически разные биологические виды, хотя и похожие внешне и способные к скрещиванию; и в этом самая суть российской сословности».

Духовное сословие, по статусу, выше опричного; но именно последнее – костяк и закваска страны. Вступить в сословие-костяк может лицо любого пола (русское и православное, разумеется). Даже разыскиваемый властями преступник.

«Если этот мотив (стать опричником – В.С.) действительно главный, то все остальные не имеют большого значения. Например, если выясняется, что человек скрывается от правосудия, но на самом деле давно решил стать опричником, а указанное обстоятельство просто повлияло на время его прихода в пункт, то это приемлемо; а вот если уйти от наказания и есть главный мотив, тогда его не возьмут». Нужно, короче, прежде всего быть человеком идейным – а бандитом уже во второй черёд.

Первая стадия опричной службы – обучение, кадетство. Будущие «коллективные цари» (именно так величают опричников возрождённая Русь) получают отменное образование. Точнее, образования: естественное и гуманитарное одновременно. Но не в этом главное.

«Есть ещё один компонент подготовки – идеологическая, занимающая не менее часа в день; на ней им вдабливается – я не могу подобрать другого слова, а сами опричники против его употребления не возражают – все их сословные принципы и установки: об отношении к своей стране и к другим странам, к своему и другим народам, друг к другу и к другим сословиям, и т.д.» (Это, кажется, уже из Стругацких? Патриотическая школа, из «Трудно быть богом»?)

Гуманитарно, естественнонаучно и идеологически насытившись, не грех и расслабиться. Прежде, разумеется, благочестиво помолясь. «В воскресенье, после Литургии и обеда... с 5 вечера они свободны. В 7 вечера начинается праздничный воскресный ужин, на котором они напиваются, – и этим заканчивается воскресный отдых».

Но невинной пьянкой отдых завершается далеко не всегда. «В определённые дни в лагерь привозятся секс-работники обоих полов, с которыми устраиваются пьяные или наркотические оргии; чаще всего это происходит в конце воскресного ужина. Если же какому-либо кадету этого недостаточно, он говорит куратору, и ему или ей привозят секс-работника персонально». Это ежели «недостаточно»; обычно же элите простой групповухи хватает. Сорокин с Юрьевым! Признавайтесь поживее: кто из вас у кого слямзил эти сцены?

Однако и это ещё цветочки.

«Еще в заявлении будущий кадет должен написать, что он не имеет гомосексуальной ориентации... под мужской гомосексуальной ориентацией у опричников, в отличие от духовенства и земцев, понимается только строго пассивная роль, а активная особо не возбраняется». Русская православная элита прочно усвоила, как видим, нравственную философию уголовной зоны – «кодекс чести» мокрушников и воря.

Это, заметим, тоже Юрьев с Сорокиным друг у друга списали. Но есть между их книгами и существенное различие. У сатирика опричники всю погрязли в бизнесе. У апологета – всё наоборот.

«Опричник клянётся не накапливать денег и не думать о них, не приобретать и вообще не иметь собственности, кроме самой необходимой... Всё устроено так, что он может не думать о деньгах, потому что, становясь опричником, человек начинает получать жалованье, которое, как он знает, не изменится до конца его жизни (кроме индексации)».

Но не только в жаловании дело. Для опричников бесплатны квартиры, автомобили; Орден за свой счёт учит и лечит их детей *и подруг...* «По сути, они тратят деньги только на еду и выпивку или наркотики либо на секс-услуги».

Тут напрашиваются уже не литературные ассоциации. Если верить упорным, из различных

источников исходящим слухам, именно так был устроен КГБ: относительно небольшая зарплата дополнялась многочисленными удобствами «юрьевского типа». Вплоть до казённых «явочных» квартир для интимных развлечений – сегодня уже забыто, какой неслыханной роскошью бывала подобная «хата» в СССР. Ныне культивируется мнение о бескорыстии, некоррупционности КГБ. Лично я в это верю – во всяком случае, в справедливость этой оценки на низах. Что такое, в самом деле, были деньги в Советском Союзе? Нажить трудом несправедливо сотню тысяч да ждать всю жизнь ареста и «вышки» в конце... Это был путь презираемого еврейского торговца, православной опричной элите он был ни к чему.

Перейдём к главному в жизни опричника. К его *службе*. Вступая в неё, «опричник проходит два особых православных таинства: венчание на службу и миропомазание... Миропомазание... означает снисхождение особых даров Святого Духа, необходимых для опричного служения, и завершается причащением новопомазанника *в алтаре* (выделено мной. – В.С.)».

Юрьев, Юрьев... Да за такие писания Вам и козунник Иван Васильевич голову бы с плеч снёс...

Но вот дары «снизошли» (православный автор ещё не разучил: Дух ни к кому не снисходит, Он нисходит). Пора приступать к работе; в чем она состоит?

Ответ очень прост: во всём. «Обычная ситуация, когда опричник год назад был министром, а ныне инспектор полиции или военный моряк, причём не из-за плохих результатов работы, а из-за сословного убеждения: важнее быть правильным опричником, чем наилучшим профессионалом. Я встречался со знаменитым Борисом Фетисовым, который четырежды был министром, дважды – командующим экспедиционным корпусом... сейчас, в 66 лет, он работает следователем полиции в Константинополе, а в следующем году отправляется инспектором по строительству полярного прибрежного вала». Как видим, по трудоустроительному признаку Третья Империя ничем не отличается от Второй. Вкусы те же: Красная Империя тоже предпочитала правильных номенклатурщиков наилучшим профессионалам. В результате чего, едва лишь ослаб опричный террор, до презренной демократии и докатилась.

Но неужто опричникам в Империи совсем уж нечего делать, кроме как прозябать министрами да инспектировать валы? Есть что делать. Традиционно-историческая работа никуда с лица Империи исчезнуть не могла. «Опричник ходит по городу, или заходит во всякие места, или ездит на городском транспорте, и высматривает какое-нибудь зло – кто-то на кого-то нападает, или что-либо в таком духе, которое, естественно, немедленно пресекается. Хитрость здесь в том, чтобы тебя не приняли за опричника – при их внешнем виде это непросто, даже без формы».

Ну, подумаешь, «нападает»: на это и уголовная полиция найдётся. Опричник же ведаёт: есть и более

11/2008

страшное для Отечества зло. А потому «народ весьма внимательно относится к своим словам (“фильтруют базар”, на разговорном языке) в присутствии опричника или незнакомца, который может им оказать».

И как же относится народ к опричному раю? К необходимости ежеминутно «фильтровать базар»?

«Будут, конечно, кризисы и даже восстания – локальные уже были, будут и всеобщие – но они бу-

дут утоплены опричниками в крови, причём с удовольствием, – предрекает рассказчик-автор, – потому что для них это будет поединок с дьяволом».

Опричная власть «вовсе не кровава и вообще не репрессивна». Таков итоговый вывод рассказчика.

Так кто же Вы, в конце концов, Михаил Юрьев? Кто Вы, Владимир Сорокин? Кто из вас распоясавшийся юморист-клеветник? Кто – апологет нашего грядущего Православного Царства?

Антон Васильев

Сенсационная книга о Советской Армии

И.Г. Дроговоза. Танковый меч Страны Советов. – Мн.: Харвест, 2004.

Открывая эту книгу, испытываете чувство прикосновения к сенсации... Не в «проклятые девяностые», а в 2004-м году, причем в Белоруссии (!), от которой уж никак нельзя ждать антисоветчины... издана книга поистине бронетанковой антикоммунистической пробивной силы!

Читая книгу И.Г. Дроговоза «Танковый меч Страны Советов» трудно отделаться от мысли, что перед вами – не новый труд Виктора Суворова с его любовью к этим могучим войскам и неуёмной страстью к разоблачениям секретов Советского Союза. По этим параметрам автор не уступает знаменитому перебежчику.

И.Г. Дроговоз показывает советские бронетанковые войска с красочностью, достойной кисти Верещагина или видео-технологий авторов фильма «Звёздные войны». Книга – впечатляющий рассказ о том, как ценой невероятных жертв и усилий народа в 1930-е – 1980-е годы был создан крупнейший танковый парк мира, превосходящий по качеству всё, имевшееся за рубежом, и ставший самой страшной угрозой для западного общественного мышления. Почти 64 тысячи грозных машин с красными звездами на башнях долгие годы олицетворяли «советскую военную угрозу». В США в период с 1946-го по 1950-й годы была создана лишь одна опытная модель нового танка, а в разоренной войной СССР с конвейера сходили шесть новых моделей. Через год после окончания войны на советских средних танках стояла броня вдвое мощнее, чем на тяжелых немецких «Тиграх».

Вопреки уверениям казенной пропаганды типа «да, мы умеем воевать, но не хотим, чтобы опять...» Дроговоз показывает, что сидеть в траншеях на случай нападения извне никто не собирался. Все боевые действия Третьей Мировой войны должны были вестись на вражеской территории. Главной зада-

чей советских танковых войск было – после прорыва обороны противника стрелковыми дивизиями совершить рывок на Запад, к Рейну. Конечной целью советских танковых колонн должны были стать берега Ла-Манша и Атлантики.

Дроговоз жестко, порой безжалостно доказывает, что в угоду боевой мощи советские танкостроители с легкостью приносили в жертву здоровье и жизни танкистов. В грозном и неприхотливом Т-72 могли ютиться лишь низкорослые люди, сидевшие в прямом смысле на бочке с порохом – в окружении боеукладок со снарядами, унесших сотни жизней. Американские же танки, даже устаревших конструкций, показаны в сравнении с ними настоящими

лимузинами, поражая комфортными условиями для экипажа.

Для СССР танковая броня стала неподъемной тяжестью, в конце концов надломившей его хребет. Безо всяких звездных войн советская экономика попросту не выдержала колоссальных расходов на создание и эксплуатацию «танкового меча», превосходившего в разы все, что было создано ВПК США, Великобритании, Германии, Франции, любых других развитых стран, чей уровень жизни так же впечатляюще превосходил советский.

В «Танковом мече» впервые в отечественной и зарубежной литературе приводятся данные о структуре советских бронетанковых войск, полный список танковых армий, дивизий и полков, рассказывается о применении советских танков при подавлении антисоветских восстаний в ГДР, Венгрии и Чехословакии, в боях с китайцами на острове Даманский, во время войны в Афганистане и в крупнейших в мире учениях Советской Армии. Даже человек, ни дня не служивший в армии, прочтет книгу И.Г. Дроговоза, как увлекательный политический детектив.

Анджей Высоцкий «Назад или вперёд?!»

Письмо из Польши

Здравствуйте дорогие! Пожалуй, ещё никогда я не писал в журнал, а уж в русский, тем более. Кто я? Анджей Высоцкий, как понимаете поляк, но с очень интернациональной фамилией. В России – это Владимир Высоцкий, в Израиле – Чай Высоцкого, ну а в Кракове – я, бывший вице спикер Парламента (Сейма) Краковского, (простите за нескромность).

Когда-то, давно мои предки жили, в том числе, и в Российской Империи (волею судьбы) прабабушка была Масальской, поэтому, когда я начал сотрудничать со Школой Экономического Форума – Школой социального менеджмента и гражданских инициатив существующей для россиян, и кто-то презентовал мне журнал «Посев» я прочёл его от корки до корки. С тех пор прошу привозить мне, читаю, и вот решил написать.

Разумеется, писать про Польшу не буду, кто не был, приезжайте и всё увидите своими глазами, в крайнем случае, я всегда готов ответить на Ваши вопросы. Но рискую, пишу Вам о России. Только что вернулся из уникальной поездки с презентациями программы Школы в Иркутске, Красноярске, Улан-Удэ, Москве и не могу удержать себя, чтобы не поделиться с Вами своими наблюдениями.

Последнее предупреждение и пояснение: в России я был последний раз 10 лет назад.

Итак, первым был Иркутск. Чудесная чистая Ангара, старая деревянная архитектура с резными наличниками и окнами, с коньками и дверьми, но, увы, большей частью покосившаяся, и представить, что тут живут люди просто страшно. Вросшие в землю под грузом времени и смены социальных эпох памятники сибирской архитектуры. Рядом, каменные особняки и новостройки из бетона и стекла. Сталинский «монументализм», хрущёвский общедоступный «жилстрой», брежневский «ни то ни сё» и современный – «богато». Церкви и памятники, вот здесь позволю себе чуть-чуть по-подробней. То, что в центре города стоит памятник Ленину – видимо 60-х годов, привычно, в каком городе России нет этого монумента. Но недалеко, на набережной стоит величественный Император Александр – 2003 года постройки, но это ещё не всё. У монастыря, тоже над Ангарой, чуть выше места его расстрела, отмеченного Белым Крестом стоит – Белый адмирал Колчак – 2007 года. Не знаю, как отцы города представляют прогулку по маршруту этих памятников, но мне, поляку как-то трудно понять такую приверженность истории, кажется, лучше бы определиться, хотя, это

Ваше русское дело, как жить с этими памятниками, со всеми вместе.

Презентация Школы состоялась в прекрасном музее – Усадьбе Волконских -декабристов (переулок тоже Волконских). Напротив храм, внутри забора хозяйственные постройки, скромно, чисто, тихо. Внутри, время остановилось. Портреты, старая мебель, рояль, иконы, гравюра с Сикстинской мадонны и главное дух, старый, дворянский, свободный..., увы, среди молодёжи не все понимали, что такое свобода и любовь к родине по Волконским.

В регионе выборы. Все заборы и административные здания в «Единой России», все рынки в Жириновском, на улицах «Справедливая Россия» и редкими вкраплениями «Аграрная партия», других предложений нет, и поверх всего этого слоган ЛДПР – «Хватит терпеть» – интересно, что они имеют в виду? А ещё на заборах реклама дискотеки «Назад в СССР», в киосках мороженное «СССР» за 19 рублей, а в старом, трамвае, скрип, треск но в салоне экран с компьютерными эффектами и рекламой. При этом удивительно зелено (то есть жёлто-оранжево-красно), осень, и чисто. На скамейках молодёжь пьёт, что-то из бутылок в пакетиках, наверное, пиво, по крайней мере так в США, и смотрит на надписи, а набережная расписана признаниями в любви: «солнышко, зайка, крошка...».

Много лиц не только европейских, но и восточных, но все говорят хорошо по-русски, китайцев и вьетнамцев, о которых писал Солженицын в городе не видать. Зато, особенно среди студентов много бурятов, хантов, и других коренных народов Сибири. Умные, хорошие, грамотные ребята, смотрят очень вдумчиво, и вопросы задают очень не простые.

Долго пришлось выяснять, где есть местная, национальная кухня. Местные жители активно

11/2008

посылали нас в итальянские, китайские, немецкие, японские или кавказские рестораны, однако нам хотелось обязательно иркутской – сибирской кух-

ни. Нашли отличный ресторан «Сибирская деревенька», но встретил он нас странно, мест нет, работников нет, обслуживать некому – скороговоркой встретил нас портье. Но стоило сказать, что мы поляки и всё нашлось. Чудесные белые грузди, байкальские рыбы омуль, хариус, сибирские солёные огурчики, помидорчики, капуста и конечно пельмени по-боярски, с мясом и печеню в наваристом бульоне и, разумеется, водка на байкальской воде – вкуснятина и объедение. И прекрасный дизайн на любой вкус, в том числе и зал СССР с ностальгическим портретом Ленина на стене.

В Иркутске два костёла. Один «красный» дореволюционный, второй совсем недавно построенный кафедральный, где служит Ординарий Епархии Св.Иосифа в Иркутске Епископ Климович из Беларуси. Служит сложно, священнослужители и монахини приравнены по российскому закону к временно работающим в России, поэтому им нужно получать и разрешение на работу и раз в полгода

выезжать за рубеж для оформления новой визы. Во дворе два памятника, один с чёрными камнями – польский. На камнях названия страшных мест, через которые пришлось пройти, но не всем вернуться из этого далёкого вынужденного путешествия на север полякам. Другой – литовский с точным числом 36 590 – тех, для кого иркутская земля стала местом скорби и памяти в лихолетье 40-х годов XX века в СССР. У обоих памятников немного цветов. Как и у памятного креста – Колчаку, как и у икон в восстанавливаемых храмах. А их восстанавливается много, как и строится, видимо вера возвращается в Россию и, значит, Вы идёте вперёд помня об уроках истории.

Вторым городом нашей остановки был Красноярск. Большой, строящийся, с красавцем Енисеем, пересекающим город. И с главной приметой больших городов – транспортными пробками. В Красноярске нас принимали в сербском ресторане, раньше он был Югославский, но теперь, когда один из при-

нимающих стал нам при официанте объяснять что-то про Югославскую кухню, его резко поправили – кухня у нас сербская! Вот так в далёкой Сибири

пришлось столкнуться с балканскими проблемами Европы. Что ещё стоит сказать о Красноярске – это люди. Впрочем, это относится ко всем сибирякам. Они красивы! Они очень открыты и общительны и ещё очень любят свою родину и хотят, чтобы жить в ней стало лучше. Их можно понять, пожалуй, об этом мечтают граждане любой страны.

Последней остановкой в Сибири был Улан-Удэ, столица Бурятии. Город с самой большой головой Ленина, с мраморной гостиницей, с хрустальной люстрой на четыре этажа и без лифта. С великолепной бурятской кухней, мясо, много мяса, вкусного мяса. С портретами Чингисхана, с Дацанами – красивыми, восстановленными после полного уничтожения буддийских храмов в советское время. В Дацане много святынь, и атмосфера совсем ни такая как в христианских монастырях, но самое удивительное, и этого нет в Японии и Китае, вся земля усыпана деньгами! Российской мелочью. И люди по ней идут. Видимо, что-то я не понимаю. Жертвовать деньги в святых местах принято, и мы в Честахове тоже жертвуем, но вот так посыпать землю деньгами, которые явно уходят в землю... жертва, или цена денег? Но,

Уважаемый Юрий Станиславович!

То, что Вы печатаете в «Посеве» меня продолжает поражать. Статья «Не детская почемушка» кроме как дикой назвать нельзя. Пожалуйста, напечатайте как «письмо в редакцию» мое возражение.

Ни Вы, ни Сендеров не живете в Западном мире и не знаете, какая антирусская свистопляска здесь происходит. Российское правительство поступило совершенно правильно, остановив нападение Грузии на два малых народа. Как Вы думаете, если бы Россия не ответила на эту агрессию, то к каким последствиям бы это привело? Это было бы началом расчленения России. Выражаясь грубо, многие на Западе предпочитают видеть Россию «босой беременной девкой», а не возрождающейся страной.

*С приветом,
Г.Г. Вербицкий,
George G. Werbizky,
409 Jones Road
Vestal, NY 13850-3249, USA.*

Георгий Г. Вербицкий

Ответ на «почему»

«Посев» № 9, стр. 8

Все «почему» сводятся к одному знаменателю: Россия виновата в военном столкновении с Грузией. А то, что глубокой ночью 8 августа военные соединения Грузии начали артиллерийский и ракетный обстрел столицы Ю. Осетии Цхинвали и затем продолжали уничтожение города танками не в счет. Не в счет и расстрел российских миротворцев и мирных жителей. Все равно Россия, а не Грузия агрессор. Ответ на серию «почему» очевиден: российская разведка оказалась более осведомленной, чем Грузинская. Неужели автор статьи думает, что сегодня можно подготовить военное вторжение так, что сосед не заметит накопление войск и военной техники? Россия была готова к нападению Грузии, и ответ был

деньги, это не главное, главное люди. А Бурятия развивается, много студентов, учащихся и у всех есть своё лицо. А вот у скульптур на памятнике, у дома с мемориальной доской здесь были ЧК, ГПУ, КГБ, лиц нет, зато много колючей проволоки, но хочется верить, что и для Польши и для России это в прошлом.

И, на последок, немного чистых слов о Байкале. Потрясающее озеро, чистое, очень красивое, только, пожалуйста, не надо строить на его берегах розовых замков в псевдоготическом стиле, ей Богу мне кажется, они губят Байкал не меньше целлюлозного комбината.

А Москва, Москва встретила перетяжкой «90 лет ВЛКСМ! Будь готов! Всегда готов!» Странная всё-таки у Вас страна.

Вот такие впечатления, извините, если я что-то не так понял или увидел. Но вопрос у меня к Вам есть. Вы вперёд идёте, или назад? И скажите, неужели Вы все так любите СССР? Если да, тогда это не смешно..., но в любом случае спасибо Вам за Ваше гостеприимство и доброту.

Приезжайте к нам в Краков там Вас ждут, и надеются, что СССР навсегда в прошлом!

* Материалы данного раздела журнала публикуются в авторской редакции.

С распадом С. Союза в 1991 г. Абхазия и Ю. Осетия провозгласили свою независимость. С лозунгом «Грузия для грузинцев!» тогдашний президент Грузии Гамсакурдия отдал приказ войскам атаковать обе страны и потерпел поражение. И Абхазия и Ю. Осетия начали жить, как независимые государства, выбирая свой парламент и президента и не участвуя в грузинских выборах.

В 1992 г. Грузия и Россия совместно создали миротворческий контингент, чтобы предотвратить повторяющиеся кровопролития. Мирное сосуществование продолжалось 16 лет.

Можно только гадать, почему сегодняшний президент Грузии Саакашвили решил покорить Абхазию и Ю. Осетию именно 8 августа. В тот день Путин был в Пекине на открытии олимпиады, а дома оставался Медведев; еще не испытанный президент. И, как мы знаем, Саакашвили глубоко ошибся: Россия не могла оставить своих соседей, большинство которых имеют русские паспорта без защиты. Высшее образование Саакашвили получил в США. Он окончил Колумбийский университет, а затем юридический факультет университета Джордж Вашингтон. Говорит свободно на английском, русском, французском и украинском языках. В 1995 г. решил бросить работать в конторе юристов в г. Нью-Йорк, вернулся домой и занялся политикой. Выставил свою кандида-

туру на пост президента и на выборах опередил Шевернадзе. Баллотировался во второй раз и тут показал свое настоящее лицо, К тому времени оппозиция, недовольная диктаторскими замашками Саакашвили, стала серьезной преградой к успешным выборам. В ноябре прошлого года, на пятый день антиправительственных демонстраций в Тбилиси, грузинский спецназ разгромил телевизионную станцию оппозиции. Аппаратура была поломана или раскрадена, сотрудники разогнаны. В столкновениях демонстрантов с полицией более 500 людей были госпитализированы. Таким образом «демократ» Саакашвили был выбран на второй срок президентства.

В США сенатор МакКейн, республиканский кандидат на президенты, верный друг и защитник Саакашвили. МакКейн одобряет все его решения, которые Саакашвили обговаривает с ним по телефону. По МакКейну Россия является ярким агрессором. Россию надо наказать, для начала выгнав из интернациональных организаций. Надо понимать, что у России на Западе настоящих друзей нет. Многие считают, что расчленение России единственное верное решение, которое остановит рост влияния России во всем мире и даст доступ к богатым ископаемым, которых у Запада нет. Сегодняшнее руководство России ведет страну правильно и слава Богу, что Медведев и Путин у власти.

Григорий Амнуэль Best regards

Уважаемый читатель, господин Вербицкий, приятно, что Вы любите Россию, и приятно, что Вы разделяете политику Путина, однако, поверьте, есть люди, которые не только любят Россию, но и живут в ней!

Очень скорбно, но то, что произошло в августе, очень напоминает принуждение не к миру, а к войне. В истории России много страниц, в том числе и когда ее территория увеличивалась, и когда ее боялись, но ни любви, ни уважения ей это не принесло, да и Вас, видимо, что-то подобное перенесло за океан. Кстати, в России очень много небольших народов и национальностей, более того, Вы не поверите, практически вся Россия состоит именно из представителей этих народов, в том числе и состоящих в смешанных браках, и все они россияне, и ради них и их будущего надо делать все, чтобы Россию уважали и любили, а не боялись!

Для нас неважно, делает ли ошибки лидер другой страны, для нас важно, чтобы наши лидеры не делали ошибки, за которые придется рано или поздно расплачиваться всем россиянам. И совсем не важно, как зовут и какому из народов огромной страны принадлежит этот правитель!

На войне побеждают политики, увы, народы проигрывают! Мы думаем о народе, а не о политиках!

И удачного Вам выбора 4 ноября, господин Вербицкий.

Best regards.

P.S.: Да, если что не нравятся США, милости просим, пожалуйста в Россию!

Тогда и поговорим...о почемучках.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ С РЕДАКЦИЕЙ

Мы получили письмо председателя красноярского «Мемориала» Алексея Бабия, утверждающего, что статья «Миндаровский, сын Миндаровского» в «Посеве» № 7 за 2006 год написана не Ольгой Подборской, руководителем школьного музея, а школьником Дмитрием Кардашом. Получили мы и отклик О. Подборской, которая сообщает, что писала свою статью, используя тот же источник, что и ученик, кроме того, в изначальном варианте ее статьи Д. Кардаш упоминался.

По этому поводу редакция может сказать следующее:

1. У нас нет возможности проверять авторство печатаемых нами статей.
2. Некоторые статьи мы вынуждены печатать в сокращении, в том числе статью о Миндаровских. При этом та часть текста, в которой упоминался Д. Кардаш, видимо и оказалась сокращенной.
3. Оригинал присланной в 2006 г. О. Подборской статьи не сохранился, а бывший в то время главным редактором А.Ю. Штамм скончался.
4. Редакция выражает сожаление по поводу инцидента и приносит извинения всем, кто так или иначе пострадал в данной ситуации.